

Автор бестселлеров А M A Z O N . C O M
БРИТТАНИ Ш. ЧЕРРИ

ЭЛЕАНОР И ГРЕЙ

18+

ПОРОЙ НЕ СТОИТ СОБИРАТЬ
ОСКОЛКИ И СКЛЕИВАТЬ
ИЗ НИХ ЛЮБОВЬ

Бриттани Ш. Черри Элеанор и Грей

Серия «Freedom. Бриттани Ш. Черри.
Лучшая романтическая проза»
Серия «Шансы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63449123

Элеанор и Грей / Бриттани Ш. Черри: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-115766-1

Аннотация

Грей – моя первая любовь. Когда мы познакомились, я поняла, что не смогу жить без его улыбки, его смеха, чувства легкости, которое наполняло меня рядом с ним. Но жизнь разлучила нас. Я цеплялась за воспоминания, в надежде встретить его хотя бы раз... И мое желание исполнилось! Однако теперь я узнала совсем другого Грея: холодного, одинокого, отстраненного юношу, позабывшего о радости. Но я знала, что на самом деле скрывается за стенами, которыми он отгородился от всего мира. Судьба предоставила мне второй шанс, и я была готова вновь полюбить своего Грея и вернуть наше счастье.

Содержание

Часть 1	5
Пролог	6
1	12
2	36
3	46
4	58
5	67
6	77
7	83
8	93
9	102
10	110
11	115
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Бриттани Ш. Черри Элеанор и Грей

Посвящается маме.

Спасибо за то, что верила в меня.

Часть 1

Когда в детстве мне доводилось видеть страшные события в новостях, мама в таких случаях говорила: «Ищи тех, кто поможет в беде. Всегда найдется кто-то, кто протянет руку помощи».

Фред Роджерс

Пролог Элеанор

8 апреля 2003

В том, что моя мама знала о жизни, – заслуга мистера Роджерса.

Она называла его великим толкователем уроков, которые преподносит нам жизнь, и клятвенно уверяла, что именно он бесчисленное множество раз спасал ее в самые тяжелые времена. Когда она была расстроена, то говорила о своих проблемах. Если была счастлива, то в полной мере наслаждалась своей радостью. Испытывая боль, мама старалась докопаться до истинных причин своих страданий.

Никогда еще я не встречала женщину, умевшую настолько сильно контролировать свою собственную энергию. Ее ощущению самой себя стоило только позавидовать. Она никогда не повышала голос и была спокойней всех в мире. Рядом с моей мамой невозможно было сердиться. Я по-настоящему верила, что это невозможно.

Проводить вторники с Роджерсом – ее инициатива.

Только по вторникам мы ужинали не за столом в столовой, а расставляли перед телевизором подносы с едой. Не было ни одного вторника, чтобы мама, отец и я не смотрели очередную серию «По соседству с мистером Роджерсом». Это

была давняя традиция, которая брала начало с той поры, когда мама была совсем юной. Каждую неделю она смотрела сериал вместе с бабушкой, а познакомившись с папой, заставила его пообещать, что они продолжают соблюдать этот обычай, если у них появятся дети.

Я и сама обожала этот сериал. Вероятно, не так-то много было на свете шестнадцатилетних подростков, кто знал – а тем более любил – мистера Роджерса. Если честно, они многое потеряли. И хотя сериал был довольно старым, то, чему учил мистер Роджерс, не утратило своей актуальности.

Тот вторник мало чем отличался от предыдущих. Мы ели мясной рулет и картофельное пюре, говорили о музыке, смеялись над папиными неудачными шутками и обсуждали коллекцию кардиганов мистера Роджерса, которая очень походила на мою, потому что мама каждый год ко дню рождения вязала мне новый.

Все было замечательно до тех пор, пока три слова, произнесенные мамой, не перевернули все с ног на голову.

– У меня рак.

Собственная реакция показалась мне совершенно неожиданной. Я резко откинулась на диванные подушки, словно кто-то со всей силы ударил меня кулаком в живот, выбив весь воздух из моих легких.

Я обернулась к маме, чувствуя растерянность, потрясение, боль. Мои ладони вспотели, желудок противно сжался, казалось, меня вот-вот вырвет.

– Что? – с трудом прошептала я.

Три слова.

Это были всего три слова. И они полностью изменили мое мировосприятие. Разбили мне сердце. Три слова, которые я не желала слышать никогда.

У меня рак.

Я не сводила глаз с маминых губ, когда она заговорила со мной. По крайней мере, мне казалось, что она обратилась ко мне. Произнесла ли она вообще хоть что-то? Правильно ли я ее поняла? Неужели я не ослышалась? Неужто отголоски прошлого вновь настигли меня?

У дедушки был рак.

Он боролся с раком.

И умер от него.

Это слово не предвещало ничего хорошего.

Я затрясла головой, недоумение вихрем обрушилось на меня, когда слезы медленно потекли по маминым щекам. Взглянув на папу, я заметила, что он тоже едва сдерживает эмоции.

– Нет.

Это все, что я из себя выдавила.

Единственное, что пришло на ум.

Я отрицательно покачала головой.

– Нет. Нет, это неправда.

Папа сжал пальцами переносицу.

– Это так.

– Нет, – повторяла я. – Нет.

У мамы просто не мог быть рак.

У таких людей, как она, просто по определению не может быть онкологии. Она была самой здоровой женщиной в мире. Черт, я имею в виду ее суперполезные перекусы вроде смузи из моркови, яблок и огурцов. Ручаюсь, по венам мамы течет не кровь, а сок брокколи. Здоровые люди вроде нее никогда не болеют. Они становятся еще здоровее. Не может быть...

О, нет...

Теперь заплакал и папа. А ведь я могла бы пересчитать по пальцам, когда видела его плачущим.

– Элеанор... – Он всегда называл меня Элеанор, когда дела принимали скверный оборот, а ведь отца сложно было назвать серьезным человеком. Он шмыгнул носом и закрыл глаза. – Это непросто для всех нас. Мы хотели рассказать тебе сразу, как только узнали, но не знали как. Кроме того, необходимо было провести дополнительные обследования и...

– Насколько все серьезно? – спросила я.

Оба промолчали.

И это не предвещало ничего хорошего.

Мне казалось, что мое сердце по кусочкам вырезают из груди.

Мама прижала руку к губам, слезы по-прежнему текли по ее щекам.

Вновь заговорил папа. И *снова* назвал меня полным именем.

– Элеанор... прошу тебя. Мы должны сплотиться, чтобы вместе это пережить.

– Мы будем бороться, – пообещала мама. В ее дрожащем, испуганном и неуверенном голосе звучал страх. – Мы будем бороться, Элли, обещаю тебе. Ты, твой отец и я. Мы не сдадимся.

У меня перехватило дыхание. Мне хотелось убежать прочь. Выскочить пулей из комнаты, подальше от дома, из этой реальности. Но я видела, как мама смотрела на меня. Понимала, как ей тяжело. Все ее тело сотрясалось от ужаса и страданий.

И потому я не могла ее бросить.

Только не так.

Я придвинулась к ней и стиснула в объятиях. Прижавшись к ней, я уткнулась головой в ее грудь и услышала, как бешено колотится ее сердце.

– Мне так жаль, – прошептала я, и от переполнившей меня тоски слезы брызнули из глаз. Я не знала, что мне делать, и потому лишь крепче прижимала ее к себе, продолжая повторять:

– Мне так жаль, так бесконечно жаль.

Она крепко прижала меня к себе и держала так, словно никогда больше не собиралась разомкнуть своих рук. После чего папа обхватил нас обеих, и мы втроем застыли, обнимая

друг друга что было мочи.

Слезы капали синхронно, и в этот момент мы словно стали единым целым.

Боль не отпускала, и мама, ласково коснувшись губами моего лба, произнесла слова, от которых я заплакала еще горше:

– Прости меня, Элли.

Но все непременно должно быть хорошо, потому что мы намерены сражаться.

Сражаться вместе.

Чтобы одержать победу.

1

Элеанор

21 июня 2003

Всему, что я узнала о жизни, я обязана Гарри Поттеру.

Я называла его своим величайшим учителем и клялась всеми правдами и неправдами, что он бесчисленное множество раз спасал мне жизнь. Когда мне было плохо, я писала заклинания, превращающие людей в крыс, слизней или жаб.

Нет нужды говорить, что качеств обычного человека мне явно не хватало, что меня вполне устраивало, потому что я отлично умела избегать людей, ну, по крайней мере, до тех пор, пока меня не принуждали общаться с ними.

– Прошу покинуть пределы этой комнаты, – заявила мама, стоя на пороге моей спальни и потирая ладонями лицо. Ее каштановые волосы были собраны в небрежный пучок, а за фартуком для рисования, повязанным вокруг талии, виднелась футболка с надписью Pink Floyd. Ее неоновозеленые кеды были заляпаны краской, а очки в толстой розовой оправе торчали на макушке. Она одарила меня самой радостной улыбкой.

Весь день она рисовала в гараже, потому что только по выходным ей удавалось полностью отдалиться своей любви к искусству. В течение недели она была дружелюбной нянюш-

кой, спасающей детей от скуки. А по субботам и воскресеньям проводила время так, как ей самой хотелось.

Прошло два месяца с того момента, как ей поставили страшный диагноз, и я всякий раз радовалась, когда она занималась живописью. Пока она рисовала, я чувствовала, что у нас все хорошо. Пока она была прежней мамой, жилось чуть легче.

И, по большей части, она оставалась самой собой, хотя иногда она и уставала. Ну, может быть, спала больше обычного.

Оторвав взгляд от книги, я прищурилась.

– Нельзя выселять человека из его комнаты.

– Еще как можно. Мы поговорили с твоим отцом и приняли решение вытащить тебя из этих четырех стен. Ведь сейчас летние каникулы! Ты должна встречаться с друзьями.

Мои глаза метались то на нее, то обратно на книгу.

– А как ты думаешь, чем я занимаюсь? – Я безумно любила маму. Для меня она была лучшей матерью на свете, но сегодня она вела себя ужасно невнимательно. В конце концов, сегодня был не обычный летний день. 21 июня 2003 года – день, которого я так ждала последние три года.

Три долгих мучительных года.

Она в самом деле вела себя так, словно забыла, что в тот день поступала в продажу книга «*Гарри Поттер и Орден Феникса*». Да и вообще было просто возмутительно то, что она осмелилась говорить о чем-то, кроме Гарри, Рона и Герми-

ОНЫ.

– Элеанор, у тебя каникулы, а ты носу не кажешь из комнаты.

– Это потому, что мне надо перечитать первые четыре романа о *Гарри Поттере*, чтобы подготовиться к знакомству с новой книгой. – Да, она ничего не понимала. Это было все равно как если бы она вернулась в дни своей молодости, когда вышел новый альбом Black Sabbath, а вместо того, чтобы дать ей его послушать, бабушка отправила бы ее за молоком в лавку на углу.

Просто жеть.

Black Sabbath > молока.

Гарри Поттер > общественной жизни.

– Шай сказала, что сегодня намечается вечеринка, – заметила мама, опускаясь на кровать. – И там наверняка будут травка и выпивка, – пошутила она, слегка толкнув меня локтем.

– О, радость-то какая, – усмехнулась я. – И как только я могу пропустить такое?

– Ладно, я знаю, что ты не любительница тусовок, в отличие от других подростков, но мне кажется, что каждой шестнадцатилетней девушке стоит хотя бы раз в жизни побывать на вечеринке, где нет взрослых.

– И зачем мне это? Почему *ты* меня на это толкаешь?

– У нас не было секса с начала летних каникул, – как ни в чем не бывало заметил папа, присоединяясь к нашему раз-

говору.

– Па-а-а-па, – простонала я, затыкая уши. – Не начинай!

Он вошел в комнату, сел на кровать рядом с мамой и обнял ее.

– Да ладно, Элли. Мы все знаем, что сексуальные взаимоотношения прекрасны и естественны, когда происходят по обоюдному согласию.

– О боже, пожалуйста, перестань. Серьезно. Хватит. – Я еще крепче сжала голову ладонями, и они расхохотались.

– Он дразнит тебя. Мы просто надеялись устроить сегодня просмотр фильмов ужасов, а я ведь знаю, как ты их не любишь, – воскликнула мама, и я была благодарна ей за чуткость.

Как-то раз в детстве я случайно застала их за просмотром «Чаки» и долгое время думала, что мои куклы вот-вот оживут и схватят меня. Я избавилась от всех мягких игрушек. Обычно не замечаешь, насколько жутко выглядят пупсы, пока не застанешь их с разделочным ножом в руке.

А о том дне, когда папа решил, что я достаточно взрослая, чтобы посмотреть «Сияние», я даже вспоминать не хочу.

Спойлер: я не была к этому готова.

И с тех пор, зная, что они собираются устроить вечерний киносеанс ужастиков, я всегда уходила к Шай. И этот раз не был исключением.

– Послушайте, ребята, а вы не можете подождать пару дней? – спросила я.

– Мы могли бы, но раз уж у нас годовщина... – Мама осеклась, очевидно, полагая, что мне этого будет достаточно.

Внимание, спойлер номер два: этого оказалось недостаточно.

– Ой, мам, разве сегодня? – спросила я. – Разве это было не в прошлом году?..

Папа ухмыльнулся.

– Поразительно, ты помнишь даты выхода книг, но не годовщину родительской свадьбы.

– Ты бы меня понял, если бы прочитал когда-нибудь эти книги, папа.

– Это у меня в планах, – пошутил он. Он так говорил с тех пор, как вышла первая книга о *Гарри Поттере*. Ничего другого я и не ожидала.

– Элли, мне бы хотелось побыть сегодня с твоим отцом наедине. Кроме того, ты ведь знаешь, как непросто нам найти время, чтобы... ну, ты понимаешь, – заметила мама.

– Чтобы заняться сексом, – резюмировал папа, все сразу расставив по местам. – Конечно, ты можешь остаться здесь, но сама знаешь, какие у нас тонкие стены. Поэтому, если ты хочешь слышать визги из фильма ужасов вперемешку с криками твоей матери, то непременно оставайся.

– Ради... Умоляю, прекрати.

От любимой игры родителей мне становилось не по себе. И они отлично преуспели в ней. Их всегда забавляло мое смущение.

А папа все никак не мог успокоиться и перестать поддразнивать меня.

– Если хочешь, можешь воспользоваться берушами, пока мы...

Вскочив с кровати, я завопила:

– Ладно! Ладно! Ваша взяла! Я пойду на вечеринку с Шай. На лицах у обоих появились довольные улыбки.

– Хотя я считаю, что невежливо каждый раз, когда вы хотите сделать по-своему, заводить разговор о сексе, чтобы вогнать меня в краску.

– О, милая. – Мама улыбнулась, опустив голову на плечо папы, а он крепче обнял ее. Они были так искренне влюблены. – Лучшее в родительстве – это то, что мы можем смутить тебя, подростка. Помни об этом.

– Придержу эту мысль на будущее. Вернусь к десяти, так что смотрите, закругляйтесь к этому времени.

– Хорошо, но ты повеселись сегодня до полуночи! Ты молодая! А теперь иди, наслаждайся свободой! Будь безрассудной! – завопил папа. – И пригляди за Шай, ладно?

– Ладно.

– Да, а презервативы тебе не нужны? – спросила мама, и я поморщилась. Она от всей души потешалась надо мной.

– Нет, дорогая мамочка. Обойдусь.

– Ты в порядке? – спросила Шай, не отводя взгляд от карманного зеркала и нанося на губы новый слой блеска, когда мы стояли на крыльце дома какого-то ее знакомого. Моя кухня Шай была привлекательна. Это была красота такого рода, что казалась несправедливым подарком для старшеклассницы, но она была такой, сколько я ее помню. Тетя Камила была роскошной латиноамериканкой, и Шай была похожа на нее больше, чем на дядю Курта. И это было истинным благословением, потому что Курт слыл настоящим кретином. Честно, чем меньше у Шай было общего с отцом, тем лучше.

Она и впрямь унаследовала внешность матери. Я не сомневалась, что, родившись, она поползла по красной ковровой дорожке и на вопрос папарацци о том, что на ней надето, отвечала: «Ползунки из ДжейСи-Пенни».

Ее волосы были черными, как у Белоснежки, а глаза – голубого шоколадного оттенка, с ресницами, о каких мечтает любая девушка. У нее были изгибы в тех местах, где я напоминала сдутую покрышку, но лучшим качеством Шай было то, что она не полагалась всецело лишь на внешность. Она слыла одной из самых простых и веселых девчонок, каких вам доводилось встречать. Кроме того, в ней чувствовалась женская сила, которой она была обязана своему негодяю па-

паше.

Мы почти не говорили о Курте с тех пор, как родители Шай разошлись, и я думала, что это правильно. Каждый раз, упоминая об отце, Шай называла его куском дерьма, который испортил им с матерью жизнь.

Папа по-прежнему называл Курта братом, хотя ему было нелегко. Подобно тому, как Муфаса не отрекся от Шрама, хотя и знал, что его брат – злодей.

Хотя, возможно, все было бы иначе, избавься Муфаса от Шрама.

Акуна матата, подумала я.

Шай не считала себя мужененавистницей, но намеренно подчеркивала свою симпатию к женщинам.

И мне это импонировало, потому что многие девчонки нашего возраста презирали друг друга, лишь бы понравиться парням. Это была пустая трата сил. Все выглядело так, словно в старших классах они абсолютно забыли все, чему научились еще в начальной школе у Spice Girls.

Шай казалась высокой на каблуках, и, черт, умела же она носить такие туфли.

Мои икры начинало ломить при одной мысли, что я их надену.

– Да, в порядке, – откликнулась я, бросив взгляд на свой желтый кардиган со стрекозами, связанный мамой. Под ним скрывалась старая футболка с надписью Metallica, которую я стащила у папы, потому что она не налезала на его живот

с 1988 года. Образ завершали мои любимые голубые рваные джинсы и желтые кеды.

Я собрала волосы цвета кокосовой кожуры в хвост, а от косметики на моем лице остались лишь микроскопические частицы туалетного мыла, которым я умывалась утром. По крайней мере, хоть мои брекеты были аккуратными и чистыми.

Стоило надеть лифчик с эффектом пуш-ап. Хотя навряд ли бы помогло. Такие лифчики подходят тем, кому есть что демонстрировать.

Рюкзак, тоже связанный мамой, болтался у меня на плече, и я уже начала считать мгновения до того момента, когда эта вечеринка закончится.

– Здесь в основном ребята из баскетбольной команды и их друзья, – заметила Шай, словно это могло изменить мое отношение к вечеринке, которую я уже начинала ненавидеть.

– Отлично.

– И там будут интересные люди, – продолжила она. – А не одни придурки.

– Звучит многообещающе.

– Ладно, давай зажжем, – воодушевилась Шай и, распахнув дверь, вошла в дом, переполненный людьми, которых я мечтала бы не видеть. Встреча с одноклассниками за пределами школы казалась мне самой чудовищной формой наказания. Я и так достаточно насмотрелась на них в течение года, и теперь мне меньше всего хотелось оказаться в их толпе,

словно сардина в банке.

Мне больше по вкусу была бы пижамная вечеринка, когда мы с родителями снова посмотрели бы «*Так чья сейчас реплика?*», а не поглощение попкорна и жирных чизбургеров. Мама, конечно, приготовила бы вегетарианские бургеры. Несколько лет назад она посмотрела документальный фильм об истреблении животных, который изменил всю ее жизнь.

Папа тоже смотрел этот фильм, однако по-прежнему предпочитал стейк средней прожарки.

– Принесу тебе кока-колу, – сказала Шай.

– А ты пьешь сегодня?

Она покачала головой.

– Нет, после того случая с Лондоном. Лучше быть трезвой, чем спьяну снова согласиться с ним поцеловаться.

– Это, конечно, правильно, но, если ты все-таки напьешься, я прослежу, чтобы ты не целовалась с придурком.

– Вот поэтому ты моя самая любимая кузина.

– Я твоя *единственная* кузина. И постарайся найти лед для колы, ладно? Я буду...

– В углу. – Она ухмыльнулась. – Готова поспорить на пять баксов, что найду тебя там с книгой.

– Похоже, ты знаешь меня как свои пять пальцев.

Расхохотавшись, она заторопилась прочь, однако это стоило ей большого труда. Каждый раз, когда Шай входила в

комнату, все вокруг пытались привлечь ее внимание, а она была достаточно мила, чтобы никого не обидеть.

Я бы просто смылась.

Я не сразу получила свою колу, но зато мне повезло обнаружить укромный уголок под лестницей – местечко как раз в стиле Гарри Поттера, где можно было спокойно почитать.

Я натянула наушники, и не потому, что собиралась слушать музыку, а потому, что люди обычно оставляют тебя в покое, заведя их. Это была идеальная уловка интроверта: казаться занятым, чтобы избежать лишнего общения. А сочетать и то, и другое было просто беспроигрышным вариантом.

Одной лишь книги часто не хватало, чтобы люди оставили тебя в покое, но книга *и* наушники... Что ж, в этом случае вы превращались в призрака.

Нелегко быть интровертом в мире экстравертов, с его непременными домашними вечеринками, школьными клубами, «Неделей Духа» и общением с людьми, до которых тебе дела нет. Только тогда о тебе смогут сказать, что ты «живешь на полную катушку».

Общество было худшим местом для интровертов, но я не сомневалась, что грядут изменения. И с нетерпением ждала того дня, когда в средствах массовой информации заявят о том, что жизнь в стенах своего дома – новое веяние моды, а общение с теми, кто тебе неприятен, стало пережитком прошлого. Как же мы, интроверты, возрадуемся!

Тишина... одиночество... чашечка вкусного кофе, большая стопка интересных книг и наши верные коты.

Я удобно устроилась на полу, скрестив ноги и скрючившись, словно сухой крендель, и прислонилась к стене. Чем лучше я спрячусь в своем уголке, тем меньше людей меня заметит. *Продолжайте в том же духе, маглы. Меня здесь даже нет. Я всего лишь часть стены.*

Достав из рюкзака книгу, я погрузилась в мир магии. Мне потребовалось несколько минут, чтобы отгородиться от царившего вокруг шума, однако Дж. К. Роулинг облегчила мне задачу, позволив раствориться в строках романа.

Удивительно, но эта вечеринка оказалась не такой уж и потрясающей. Кое-кто пил спиртное, но большинство интересовала музыка и неуклюжие танцы. Неподалеку от меня двое парней обсуждали баскетбольную статистику и тренировки.

Мне казалось, что многие будут помалкивать. Хотя, вероятно, большую часть своих предположений о том, как проходят школьные вечеринки, я почерпнула из сериалов и многочисленных романтических комедий.

И, похоже, читающая девушка не казалась чем-то из ряда вон выходящим. Странно, но я как-то вписалась в эту тусовку.

Однако я думала так лишь до тех пор, пока не услышала разговор двух парней, шепотом обсуждавших Шай. Пришлось оторваться от книги, потому что они говорили не

только о Шай, но и обо мне.

Обо мне.

И это было... ненормально. Большую часть времени, проведенного в школе, мне удавалось, опустив голову, оставаться в тени. Мне казалось, что никто вообще не знал, кто я такая, и все считали меня какой-то странной девчонкой в нелепой одежде, с которой Шай каждый день ходила на ланч.

– Чувак, Железные Зубы тоже здесь, – донесся до меня шепот одного из парней поверх музыки.

– Не надо ее так называть, – простонал другой.

– А ты видел ее зубы? Все по-честному. Она ведь кузина Шай, да?

– Да, это она. Элеанор, – ответил другой.

Гм.

Он назвал мое имя. Большинство школьных знакомых называли меня Лицо со Скобкой или кузина Шай.

Странно.

– Иди, подмажься к ней и расположи ее к себе. И тогда Шай увидит, что я лажу с ее семьей. И уж тогда мы точно снова будем вместе.

Я бросила взгляд на парней, стараясь выглядеть невозмутимо, а затем снова уткнулась в книгу.

Конечно, этот Лэндон Гаррисон пытался снова найти способ завоевать сердце моей кузины, а точнее, пробраться в ее трусики.

В прошлом году они исполняли главные роли в школь-

ном спектакле. На репетиции, когда Шай была взбудоражена происходящим, между ними вспыхнула искра. А потом она допустила глупейшую ошибку для актрисы – влюбилась в вымышленного персонажа, которого исполнял актер. Что взять с дебютантки?

Лэндон определенно не был мистером Дарси.

Они встречались целую неделю, а затем он изменил ей прямо перед премьерой. Когда она порвала с ним, он решил во что бы то ни стало вернуть ее, по всей вероятности потому, что не мог смириться с мыслью, что девушка не желала иметь с ним ничего общего. С ним и его мошенничеством.

К несчастью для него, Шай оказалась слишком стойкой и не могла терпеть его дрянное поведение. Она даже не смотрела в его сторону, за исключением тех случаев, когда не была подогрета спиртным.

– А не лучше будет, если сам с ней поговоришь? – спросил другой парень.

Я осторожно взглянула на него. Грейсон Ист был одним из самых классных учеников нашего класса. Его, как и Шай, обожали все.

Грейсон был чертовски красив, модно одевался, был звездой баскетбольной команды и мог заполучить любую девушку, какую бы пожелал. Стоило мне задуматься о том, кто был самым популярным в старших классах, на ум сразу приходил Грейсон. Его фотография красовалась на главной странице школьного сайта. В нашей школе он считался значимой фи-

гурой.

– Чувак, я не могу разговаривать с этим существом. Она наводит на меня ужас. Она только и делает, что читает и постоянно носит эти нелепые кофты.

Я могла бы обидеться на «существо», но мне просто было наплевать. Магл есть магл, только и всего. Что с них взять. Они частенько вели себя как законченные идиоты.

– Да уж, пустая трата времени, – поддразнил Грей своего приятеля, и в его голосе прозвучала скука.

Я чуть было не улыбнулась, услышав его наглый тон, но злость тут же вытеснила улыбку.

– Просто окажи мне услугу, – попросил Лэндон.

– Я этого не сделаю, – уперся Грейсон. – Оставь ее в покое.

– Да ладно, – настаивал Лэндон. – Ты мой должник за Стейси Уайт.

Грейсон несколько раз вздохнул. Потом, после долгого выдоха, сдался.

– Ладно.

О, нет.

Нет, нет, нет, нет...

Я пыталась сосредоточиться на чтении, но краем глаза увидела его приближающиеся кроссовки. Конечно же, это были кроссовки Nike, потому что все в Грейсоне было абсолютно банально. Он вполне мог бы рекламировать их с экрана. Когда эти новенькие, без единого пятнышка кеды оказались прямо передо мной, я неохотно подняла голову. Он в

упор смотрел на меня.

Эти серые глаза...

Это был тот самый цвет, который, казалось, существовал только в вычурных любовных романах, где главный герой всегда тошнотворно идеален. На самом деле ни у кого нет чисто серых глаз. За свои шестнадцать лет я ни разу не встречала таких парней, кроме Грейсона. Светло-голубые? Несомненно. Зеленые? И такие иногда попадались. Однако глаза Грейсона были не похожи на все, что я видела раньше. И я понимала, почему они так притягательны.

И сейчас под прицелом его серого взгляда и *этой улыбки* я остро осознала, почему большинство девчонок беспомощно таяли в его присутствии.

Господи, пусть это прекратится.

Встретившись со мной взглядом, он слегка кивнул с едва заметной усмешкой, и это меня взбесило. Возможно, эти ухмылки работали с девчонками вроде Стейси Уайт, но точно не со мной. Я снова уставилась в книгу, стараясь не обращать на него внимания.

Однако кроссовки не двинулись с места. А затем краем глаза я заметила, что он начинает медленно наклоняться и вот уже присел на корточки передо мной. И снова кивнул мне с прежней фальшивой улыбкой.

– Привет, Элеанор, как жизнь? – произнес он с таким видом, словно мы всегда общались, а теперь, встретив меня, он просто подошел поболтать.

Я едва слышно выругалась.

Он удивленно на меня уставился.

– Ты что-то сказала?

Ради всего святого, неужели он не замечал мои наушники и книгу? Неужели забыл, что сегодня 21 июня 2003 года? Почему никто не мог понять, как важно тут же проглотить эту книгу, как только она попала к тебе в руки?

Иногда я ненавидела этот мир.

– Я сказала, не надо. – Я сняла наушники. – Не делай этого.

– Чего?

– *Этого*. – Я указала на пространство между нами. – Я знаю, Лэндон попросил тебя поговорить со мной, чтобы закадрить Шай, но этодохлый номер. Мне не интересно, а Шай – тем более.

– Как ты могла услышать, о чем мы говорили, если на тебе наушники?

– Все просто. Я не слушала музыку.

– Тогда зачем они тебе?

О БОЖЕ, ПОЧЕМУ БЫ ТЕБЕ ПРОСТО НЕ УБРАТЬСЯ?

Нет ничего ужаснее, когда экстраверт пытается постичь логику интроверта.

Я тяжело вздохнула.

– Послушай, я поняла, ты хочешь помочь другу и все такое, но, честно, сейчас я просто хочу спокойно почитать, и чтобы никто мне не мешал.

Грейсон провел пятерней по волосам с видом долбаной модели из рекламы шампуня. Клянусь, он делал это словно в замедленном движении, под порывами несуществующего ветра, раздувающего его волосы.

– Ладно, но можно я немного посижу здесь с тобой? Чтобы Лэндон думал, будто я оказываю ему услугу.

– Мне плевать, что ты будешь делать. Только тихо.

Он улыбнулся, и, *черт подери*, эта улыбка не могла никого оставить равнодушным.

Я вернулась к чтению, а Грейсон устроился рядом. Время от времени он говорил:

– Говори что-нибудь, чтобы Лэндон решил, будто мы подружились.

А я откликалась:

– Только когда будешь отвечать, старайся не выглядеть так же смехотворно, как сейчас.

Он снова улыбнулся, я заметила улыбку и тут же уткнулась в книгу.

Тем временем появилась Шай с пластиковым стаканчиком кока-колы, в котором плавал фруктовый лед.

– Я не смогла найти обычный лед, а потом подумала, что и с фруктовым будет неплохо. К тому же это вишневый лед, так что – вуаля! Теперь у тебя вишневая кола. – Она перевела взгляд на Грейсона и вскинула бровь. – О, Грей... привет, что случилось?

– Ничего. Просто болтаю с Элеанор. – И он снова нацепил

на себя свою улыбочку, и Шай тут же попалась, как газель, угодившая в логово льва.

– Как мило! Она – мой самый любимый человечек на свете, так что сегодня на твоей улице праздник. Ладно, ребята, не буду мешать. – Шай помахала мне с таким видом, словно не замечала ужаса в моих глазах и застывшую в них мольбу: «Положи этому конец! Спаси меня!» – Она направилась прочь, чтобы дальше играть роль светской львицы, которой и была, а я, скованная паникой, осталась в компании Грейсона.

– И сколько это еще будет продолжаться? – спросила я его.

Он пожал плечами.

– Не знаю. До тех пор, пока Лэндон не прекратит вспоминать мне историю со Стейси Уайт.

– И что же ты сделал со Стейси Уайт?

Прищурившись, он вскинул бровь.

– В смысле, что я с ней сделал?

– Просто все это прозвучало так, будто что-то произошло.

Он заерзал и отвел глаза.

– В действительности все совсем наоборот. Ничего не произошло, но это никого не касается.

– Теперь это касается меня, если из-за той истории тебе придется сидеть здесь и таращиться на меня.

– Ладно, понял. – На мгновение он умолк, а затем снова заговорил: – Почему бы Шай не дать Лэндону второй шанс?

– Он ей изменил. И недели не прошло!

– Да, я знаю, но...

Я захлопнула книгу. Теперь стало совершенно очевидно, что в ближайшее время почитать не удастся.

– Никаких «но». Меня поражает, что вы, парни, считаете, будто можете заполучить любую девчонку благодаря своей внешности. Но Шай не дура и знает себе цену.

Грейсон уткнулся языком в щеку.

– Неужели ты только что намекнула, что я красавец?

– Даже не думай.

– Поверь, уже подумал. – Он принялся барабанить пальцами по ногам. – Так чем ты занимаешься?

– Мне казалось, мы только изображаем разговор.

– Да, но мне это надоело. Значит, ты любишь... читать? –

Кивком головы он указал на книгу.

– Как точно подмечено, Капитан Очевидность, – заметила я.

Он расхохотался.

– А ты дерзкая.

– Вся в маму.

– Мне это нравится.

Я с неудовольствием ощутила, как вспыхнуло мое лицо. Мое тело реагировало на его образ, казавшийся притягательным без особых стараний, хотя разум отвергал его. Весь год я наблюдала, как парни вроде Грейсона охмуряют девчонок, и те тают словно воск в их руках, не понимая, что происходит.

Мой разум требовал, чтобы я не стала одной из таких дурочек, но, очевидно, сердце не желало прислушиваться к до-

водам разума.

Я отвела глаза, потому что сердце отчаянно заколотилось, стоило нам встретиться взглядами.

– Никогда не читал «Гарри Поттера», – сказал он, и впервые в жизни мне стало жалко Грейсона Иста. Какой же унылой была его жизнь!

– Возможно, это и хорошо, – откликнулась я. – Прочитай ты его, и я могла бы глупо влюбиться в тебя вопреки всем своим принципам.

– Ты дерзкая и прямолинейная.

– Прямолинейность я унаследовала от отца. – Он улыбнулся.

И мне это понравилось.

Как бы там ни было.

– Выходит, тебе нравятся книги и стрекозы?

Я обомлела.

– Откуда ты узнал про стрекоз?

– Ну, на тебе свитер и заколки со стрекозами.

Ах, точно. Я готова была поспорить на кругленькую сумму, что была единственной девчонкой на вечеринке с такими заколками.

– Мы с мамой их любим.

– Стрекоз?

– Да.

– Чудно.

– А я не такая, как все.

Он прищурился, разглядывая меня с таким видом, словно пытался просканировать мою ДНК.

– В чем дело? – спросила я, чувствуя, как сердце ухнуло вниз.

– Ничего. Просто... клянусь, мне кажется, я откуда-то тебя знаю.

– Немудрено, мы ведь учимся в одной школе, – язвительно заметила я.

– Да, конечно, просто ты... – Он осекся, покачав головой. – Не знаю. Ты не была на вечеринке у Клэр Уэйд, нет?

– Пролет.

– А у Кента Феда?

Я непонимающе воззрилась на него.

– Да. Это странно, потому что я готов поклясться... – Но он не успел договорить, потому что к нам подскочил Лэндон.

– Миссия провалилась, чувак. Шай настоящая сука, – констатировал он, мрачно нахмурившись. Судя по всему, моя кухня больно ранила его эго.

– Еще раз назовешь так мою кухню, и я покажу тебе, что по-настоящему означает это слово, – гаркнула я.

Лэндон мельком взглянул на меня и закатил глаза.

– Да пожалуйста, чокнутая.

– Не надо вести себя как засранец, Лэндон, – сказал Грейсон, заступаясь за меня. – И она права, Шай ничего тебе не сделала. Это ты ей изменил. И если она не хочет возвращаться к тебе, это не делает ее сукой.

Постойте, что?

Неужели Грейсон Ист только что заступился за нас с Шай?

Что ж, замечательно.

Если так пойдет, когда-нибудь я стану матерью его детей.

Идиотские бабочки, порхавшие у меня в животе, не желали исчезать, поэтому легко представить мое облегчение, когда Грейсон собрался уходить. У меня бледная кожа, и когда я краснела, это сразу бросалось в глаза. Мое лицо превращалось в самый спелый помидор на всем белом свете. И сейчас я не желала, чтобы он это заметил.

– Ладно, приятель. Пошли отсюда, – сказал Лэндон, глядя сквозь меня. И это было как нельзя кстати. Я ответила ему таким же взглядом.

– Поговорим позже, Элеанор. – Грейсон помахал мне рукой на прощание. – Наслаждайся книгой.

Я едва слышно попрощалась, а затем уставилась в текст. Но время от времени образ Грейсона мелькал в моих мыслях вместе с Роном Уизли.

Вскоре появилась Шай, и мы отправились домой.

– Похоже, вы с Грейсоном мило поболтали, – заметила она.

Я пожала плечами.

– Не без этого.

– Он отличный парень, Элли. Не то что Лэндон. Грейсон искренний.

Она сказала это так, словно пыталась уговорить бабочек остаться в моем животе, в то время как я пыталась оборвать им крылышки.

Я снова пожала плечами.

– Нормальный парень.

– Просто нормальный? – усмехнулась она, вероятно, заметив мои пунцовые щеки.

– Да.

Просто нормальный.

Шай собиралась переночевать у меня, и когда мы вошли в дом, экран телевизора еще всюю светился. Мелькали кадры из фильма ужасов, и, торопливо схватив пульт, я выключила телевизор. Родители устроились на диване. Папа лежал на спине, а мама – в его объятиях.

– Разбудим их? – спросила Шай.

Схватив одеяло, я укрыла их.

– Нет. Они всегда перебираются в кровать под утро.

Это было вполне привычно для моих родителей – мама в папиных объятиях после того, как они уснули перед телевизором. Когда она начинала ворочаться, папа улыбался, снова обнимал ее, поудобнее прижимая к себе. Никогда не видела людей, которые были как единое целое. И если бы не родители, то я бы не поверила, что на свете существуют родственные души.

2

Грейсон

– Говорю тебе, я ничего не понимаю. Я очень привлекателен, и она тоже! Не возьму в толк, почему она не хочет со мной встречаться, – воскликнул Лэндон, бешено жестикулируя, когда мы возвращались домой после вечеринки. – Мы с ней похожи на Ника Лаше и Джессику Симпсон из Рэйна, штат Иллинойс. Мы просто созданы друг для друга! – произнес он с такой страстью, что я вдруг подумал, что это не шутка.

Конечно, даже если бы он был настолько же одержим Шай, когда они только начали встречаться, из этого тоже не вышло бы ничего путного. Ведя себя так, он стал бы еще большим придурком.

– Полагаю, старик, тебе стоит забыть о романе с Шай. Кажется, ей это совсем не интересно.

– Она просто еще не поняла, что ей интересно. Вот увидишь. Вы все увидите!

Я закатил глаза, но не стал переубеждать его. Невозможно вразумить пьяного человека.

– Как бы там ни было, прости, что заставил тебя общаться с ее чокнутой кузиной, – сказал он, взъерошив волосы.

– Не такая уж она и чокнутая.

– Каждый день эти кофты. Книгу из рук не выпускает. Го-

ворю тебе – чокнутая.

– Если человек не похож на остальных, это еще не говорит о том, что он чокнутый, – парировал я, желая защитить Элеанор.

Конечно, у нее были свои причуды, но и у Лэндона тоже. Он прикусывал зубья вилки, а затем вытягивал ее изо рта с ужасающим скрежетом. Он не мог спокойно смотреть фильм и вечно вопил: «Подожди, перемотай назад, я пропустил момент». Не мог справиться с влечением к Шай, потому что она задела его за живое.

Конечно, Элеанор носила кофты, но, в конце концов, она не была душой.

– Ладно, ладно. Вижу, ты завел себе сегодня новую подружку, – сказал Лэндон, поднимая руки. – Но я все равно считаю ее чокнутой одиночкой.

В какой-то степени Элеанор действительно была одиночкой. В отличие от Шай она профессионально умела закрываться от окружающего мира.

Иногда я думал, что мне бы это тоже не помешало.

Жизнь стала бы гораздо проще.

Лэндон жил в том же квартале, что и я. Когда мы подошли к моему дому, чрезмерную болтливость Лэндона как рукой сняло, стоило ему услышать доносившиеся оттуда вопли, сотрясавшие стены.

Мама и папа опять воевали.

Это всегда был тот еще «подарок».

Лэндон засунул руки в карманы и сочувственно улыбнулся мне.

– Дружище, если хочешь, можешь переночевать у меня. Я покачал головой.

– Нет, все в порядке. Надо только как можно скорее проскользнуть в комнату. Отец наверняка скоро найдет причину, чтобы смыться.

– Уверен?

– Да. Спокойной ночи.

Он почесал затылок, видимо, сомневаясь в правильности моего решения, но все же собрался уходить.

– Ладно, Грейсон. – Он помолчал, а затем обернулся ко мне. – Я оставлю открытым окно в комнате для гостей на первом этаже на тот случай, если ты все же передумаешь, идет?

И хотя порой он бывает паршивцем, он мой самый верный друг.

– Спасибо, Лэндон.

– Ладно, бывай.

Поднявшись на крыльцо, я остановился, не торопясь заходить внутрь. Я знал, что там меня не ждет ничего хорошего.

Родители снова затеяли состязание в ругани.

Все как обычно. Стоило им оказаться дома вместе, и тут же разгоралось сражение. Мама, скорее всего, выпила вина и осыпала оскорблениями отца, а тот наверняка залил в себя виски и орал, чтобы она заткнула пасть.

Хотя я отлично знал, что отец сам всему виной. Он доводил маму до белого каления, а потом обставлял все так, будто это она заварила кашу. Никогда еще я не встречал человека, способного так умело пускать пыль в глаза окружающим. В прошлом году учитель английского, мистер Хэндерс, рассказал нам об этом выражении – *пускать пыль в глаза*, – и я тут же подумал, что это как раз про моего отца.

Он профессионально манипулировал людьми. Дома и на работе. У него отлично получалось убедить маму, что у нее не в порядке с головой. Если она чувствовала запах чужих духов на его одежде, он утверждал, что это ее духи. Стоило ей заметить след от помады на его рубашке, и он уверял ее, что это она его оставила. Если бы он сказал ей, что небо зеленого цвета, она подумала бы, что глаза ее обманывают.

Однажды он даже уговорил ее лечь в больницу, чтобы проверить психическое здоровье.

Выяснилось, что она абсолютно вменяема. Просто вышла замуж за кретина.

Во время маминых срывов отец всегда оставался зловеще спокойным. Это был еще один из его «приемов» – заставить ее сходить с ума, хотя причиной этого безумия был именно он. Иногда мне казалось, что он специально оставлял повсюду номера других женщин, чтобы они попадались ей на глаза. От него всего можно было ожидать.

Когда я был помладше, он пытался привлечь меня на свою сторону, чтобы сделать маму козлом отпущения. Но я не

поддавался. Я всегда знал, что единственной ошибкой мамы стала ее любовь к этому чудовищу.

Отец был лжецом, обманщиком, да и к тому же человеком с ворохом проблем.

На самом деле мама совершила еще одну ошибку – она не ушла от него.

И я никогда этого не понимал.

Возможно, она его любила или же ее устраивала та комфортная жизнь, которую он мог нам обеспечить. Но в любом случае это были нездоровые отношения. Думаю, именно поэтому ее почти не бывало дома. Возможно, ее утешала возможность гулять на отцовские деньги. Вероятно, тратя их, она чувствовала, что хоть в чем-то обставляет его.

– Я знаю, что ты путаешься с ней, Грег! – взвизгнула мама, когда я присел на верхнюю ступеньку крыльца. Прижав ладони к ушам, я попытался отгородиться от криков.

Как бы мне хотелось, чтобы дедушка был здесь. Вообще я старался не думать о том, что его не стало, потому что это просто не укладывалось у меня в голове, но иногда по ночам мне отчаянно хотелось выскользнуть из дома и убежать к нему смотреть старые фильмы о кунг-фу и поесть попкорн.

И больше всего мне нравилось, что дедушка совсем не был похож на отца.

Он был хорошим человеком, и теперь, когда его не стало, мир сделался невыносимым.

Он умер несколько недель назад, и, если честно, я не знал,

как справиться с тоской по нему.

Школьный психолог заверил меня, что со временем боль потери утихнет, но я не слишком в это верил. Мне не становилось легче, я все сильнее ощущал собственное одиночество.

Обернувшись, я заглянул в окно. В комнате раздался звон разбитого стекла. Мама запустила в отца винной бутылкой, но промахнулась. Она всегда промахивалась.

Уборщикам придется потратить немало времени, чтобы снова очистить ковер от винных пятен.

– Убирайся, Грег! – завопила мама. – Катись к своей шлюхе! – И отец, как всегда, пулей вылетел из дома.

Думаю, его вполне устраивало, что она выгоняла его. Он мог спокойно идти и спать со своими подружками за спиной у мамы.

Увидев меня на крыльце, он остановился.

– Грейсон, что ты здесь делаешь? – Он достал сигарету и прикурил.

Избегаю тебя.

– Мы с Лэндоном только что вернулись домой с тусовки.

– На твою маму снова нашло. Не знаю, принимает ли она еще лекарства.

Я промолчал, потому что каждый раз, как он называл ее сумасшедшей, мне хотелось съездить ему кулаком по физиономии.

Отец прищурился и кивнул в мою сторону.

– Я слышал, Лэндон проходит стажировку в юридической фирме отца.

– Да. – Я сразу догадался, куда он клонит.

– А когда ты придешь в EastHouse, чтобы научиться чему-нибудь полезному? Я не смогу вечно тащить все на себе, и тебе пришло время постепенно входить в курс дела. Чем скорее ты начнешь учиться, тем раньше будешь готов принять бразды правления.

Ну вот, началось.

Отец был полон решимости заставить меня работать в головном офисе EastHouse Whickey, потому что был уверен, что однажды я возглавлю компанию. Ее основал дедушка и до ухода на пенсию трудился на ее благо в поте лица. Отец пошел по его стопам.

Это было что-то вроде семейного бизнеса, и, когда придет время, я собирался занять место отца и почтить память деда.

Но я не хотел заниматься этим в ближайшее время.

– Ты оглох, приятель? Или не понимаешь по-английски? – завопил он.

Я встал и засунул руки в карманы.

– Думаю, я еще не готов к этому.

– Не готов? Тебе уже шестнадцать, поэтому не стоит зря терять время. Если ты думаешь, что баскетбол – это твой билет в успешную жизнь, то ты крупно заблуждаешься. У тебя способностей маловато, чтобы заработать на одном лишь баскетболе.

На этот счет у меня было три замечания:

1. Мне уже семнадцать, а не шестнадцать.

2. Я не мечтал о карьере профессионального баскетболиста.

3. Да пошел ты, папаша.

Стиснув пальцами переносицу, я прошел мимо него в дом. Он вопил вслед, что мы не закончили разговор о стажировке и продолжим в другой раз, но я не особо переживал. Он слишком мало времени проводил дома, чтобы успеть довести меня своими нотациями.

Когда я вошел, мама собирала по полу осколки разбитой бутылки.

– Мам, дай-ка я сам все соберу, пока ты не порезалась, – воскликнул я, глядя, как она спьяну раскачивается взад-вперед.

– Отвали, – откликнулась она, отпихнув мою руку. Она подняла голову и нахмурилась, взглянув на меня. Подтеки туши растеклись по ее щекам. Она коснулась моего лица мокрой от вина рукой и попыталась заговорить.

– Ты так похож на отца. А знаешь, как меня это бесит? Я начинаю ненавидеть тебя так же сильно, как и его.

– Ты слишком много выпила, – ответил я. Она была настолько пьяна, что утратила свой привычный облик. Ее взгляд стал безумным, волосы спутались в космы. – Давай я уложу тебя спать.

– *Нет!*

Она размахнулась и залепила мне пощечину, пробормотав при этом:

– Да пошел ты, Грег!

Я закрыл глаза, мои щеки пылали. У нее на глазах выступили слезы, и она прижала руки ко рту.

– О боже. Прости меня, Грейсон. Прости меня. – Она начала рыдать, зажимая рот ладонями. Ее била дрожь. – Я больше не могу. Не могу так.

Я обнял ее за плечи и слегка прижал к себе, потому что был уверен, что, если сейчас не обниму ее, никто больше этого не сделает.

– Все в порядке, мам. Ты устала, только и всего. Просто ложись спать. Хорошо? Все в порядке.

Я собрал крупные осколки и выбросил их в мусорную корзину, а она побрела в спальню. Наверняка, когда я проснусь завтра, она уже отправится на поиски новых приключений. Но наши пути вновь пересекутся, когда она соскучится по очередной ссоре с отцом, чтобы снова запустить в него бутылкой.

Я отправился в ванную, чтобы вымыть руки и лицо, и с отвращением уставился в зеркало. Потому что я был ужасно похож на отца и тоже ненавидел себя за это.

Я лег в постель, пытаюсь отогнать мысли о родителях, но на смену им в памяти всплыл образ деда, и от этого мне стало еще хуже.

И тогда я подумал об Элеанор Гэйбл.

О девчонке, которая читала книги на вечеринках и обожала стрекоз.

Эти мысли были гораздо приятнее прежних. И я полностью им отдался.

3

Элеанор

Прошло два дня, но я так и не закончила читать «*Гарри Поттер и орден Феникса*». И ни на чем не могла сосредоточиться, потому что постоянно думала о Грейсоне.

И дело было даже не в его внешности. А в мелочах, связанных с ним.

Я мало с кем разговаривала, но всегда подмечала особенности окружающих.

И я обратила внимание, что его раздражают некоторые вещи, он барабанит пальцами по ногам и не может стоять спокойно.

Я заметила, что от него исходит едва заметный запах, напоминающий аромат лакричных леденцов.

Думая о нем, я ощущала себя так, словно не могла пробудиться от кошмара. И какая-то часть меня желала узнать, думает ли и он обо мне.

И это было совершенно непривычно для меня.

Я никогда не влюблялась, конечно, не считая вымышленных персонажей. Ровесники казались мне глупыми и поверхностными. Все в старших классах отдавало невыносимой банальщиной.

И мне все казалось наигранным и фальшивым. Здесь правили бал внешность, популярность и тот факт, сколько денег

зарабатывали твои родители. И я не хотела иметь с этим ничего общего.

Пока не появился Грейсон и его дурацкая улыбка. И теперь я стала одной из тех, кто мечтал о нем (хотя мне этого не следовало), и поглощала слишком много статей о влюбленности.

– Привет, Сникерс, – сказал папа, заскакивая ко мне в комнату. Он крутил зажатый в пальцах карандаш.

– Что?! Ничего. Подожди, ладно? – Тяжело дыша, я поспешила закрыть вкладку на компьютере. Дыхание шумно вырывалось из легких, пока я отчаянно пыталась справиться с волнением. – Привет, папа, – отдышавшись, ответила я, приветствуя его открытой улыбкой.

Он с подозрением спросил:

– Что это ты там прячешь?

– Ничего. Что ты хотел? Что случилось?

Он потер ладонью живот и прищурился. Папа обладал отличным пузиком, которое величал «Доритос» – в честь одноименных чипсов, благодаря которым это пузико и появилось. Мама была вегетарианкой и всегда пыталась склонить папу на свою сторону, но он не желал отказываться от бекона, и я его прекрасно понимала.

Большую часть времени мама зорко следила за папиным рационом. После того как у него обнаружили предрасположенность к диабету, маме удалось заставить его следовать ее режиму питания. Она говорила, что он сделает ее счастли-

вой, если съест на ужин салат, и он соглашался, потому что обожал делать ее счастливой.

Меня всегда забавляло, когда он потирал свой Доритос, пытаясь что-то решить, словно пузо было волшебной лампой, способной дать ответы на все вопросы.

– Я просто хотел сказать, что сегодня мы будем ужинать вдвоем. Маме нездоровится.

У меня все внутри сжалось от беспокойства.

– Да? Она в порядке?

– Просто немного устала. – Он улыбнулся. – Она в порядке, Элли. Честно. – Он назвал меня Элли, а не Элеанор, поэтому я поверила.

Папа почесал подбородок.

– Итак, ужинаем?

– Сегодня не могу. Я сижу с Молли. – Последние несколько месяцев после уроков, по понедельникам и пятницам, я сидела с Молли Лэйн. Это была бойкая пятилетняя девчушка, жившая в паре кварталов от нас, и она заставляла меня ходить по струнке. – Скоро уйду.

– О, сегодня ведь понедельник, правда? – Он сморщил нос. – Что ж, тогда сегодняшней вечер я проведу в компании «Фрейзера» и Макдоналдса.

– А мама знает о Макдоналдсе? – спросила я, вспомнив о недавней папиной диете.

Он вытащил из бумажника двадцать долларов.

– А ей разве обязательно об этом знать?

– Ты меня подкупаешь?

– Не знаю, а сработает?

Я подошла к нему и выхватила деньги.

– Несомненно.

Он обхватил мою голову ладонями и поцеловал в лоб.

– Я всегда знал, что ты моя любимая дочурка.

– Я твоя единственная дочь.

– Это все так думают. В начале восьмидесятых частенько проходили рок-концерты...

Закатив глаза, я тихо усмехнулась.

– Ты ведь знаешь, что мама учует запах жареной картошки. Как обычно.

– Но игра стоит свеч. – На прощание он еще раз поцеловал меня в лоб. – Увидимся позже. Передай привет Молли и ее родителям!

– Обязательно.

– Люблю тебя, Сникерс. – Он дал мне прозвище в честь своего любимого шоколадного батончика, тем самым выражая свою горячую любовь.

– Я тоже тебя люблю, папа.

Он ушел, а я начала собираться к Молли. Я всегда брала с собой несколько старых книжек с картинками, которые сама обожала в детстве, чтобы почитать ей перед сном. Молли, как и я, обожала книги, и я втайне испытывала легкую ревность, зная, что однажды она впервые в жизни возьмется за «Гарри Поттера».

А мне никогда не суждено снова пережить первую радость от прочтения этих книг.

* * *

Городок Рэйн, штат Иллинойс, разделен мостом на две части – восточную и западную. Я жила в западной части, а Молли – в восточной, в конце Brent-стрит. И хотя мой дом находился всего в паре кварталов от ее, стоило перейти небольшой мост, и в глаза сразу бросалось благосостояние местных жителей. Моя семья была вполне обеспеченной, но не настолько, как обитатели восточной части города.

Дома в квартале Молли стоили бешеных денег. Это были самые настоящие огромные особняки. Рэйн выглядел городком для среднего класса, пока вы не оказывались в его восточной части. Здесь жили богачи, работавшие в Чикаго, но желавшие сохранить видимость того, что обитают на отшибе. Мама работала няней в семьях на этой стороне моста и прилично зарабатывала. Я готова была поклясться, что даже в воздухе здесь пахло стодолларовыми купюрами. И если бы не Молли, я ни за что не сунулась бы в эту часть городка.

– Ты приходящая няня Молли! – раздался чей-то громкий голос, едва лишь моя кроссовка коснулась ступеньки крыльца Молли. Я быстро обернулась, чтобы увидеть того, кто произнес эти слова. На другой стороне улицы, через три дома налево, стоял мальчишка с дурацкой и потрясающей улыб-

кой. Грейсон. Он махал мне рукой.

Я бросила взгляд через плечо, желая убедиться, что он машет мне, и, о боже, так и было.

Я провела ладонями по затылку и ответила:

– Ну... да.

Это было единственное, что я могла придумать. Когда он стал спускаться с крыльца мне навстречу, сердце сделало кувырок в груди, и чем ближе он подходил, тем сильнее оно билось.

Он снова провел рукой по волосам, как при замедленной съемке, и мое сердце замерло, а затем продолжило свой бешеный танец.

– Ты раньше уже сидела с ней? – спросил он.

– Да, пару месяцев. – У меня вспотели ладони. *Почему у меня потеют ладони? А вдруг он догадается? Вдруг поймет, что я думаю о нем? А что если он чувствует мой страх? О боже, неужели у меня потеют и локти?* Я и не догадывалась, что локти могут потеть!

– Я ходил с ней в церковь, когда она была совсем крошкой. И она была лучшим, что там происходило, потому что посреди строгой тишины службы она могла закричать: «Подсказку, подсказку!», как в мультсериале «Подсказки Бульки», а затем понестись к алтарю и начать танцевать. – Я хихикнула, потому что это было в точности про Молли, которую я хорошо знала и любила.

Он засунул руки в карманы спортивных брюк, покачива-

ьясь на пятках своих неизменных кроссовок Nike.

– Но дело не в церкви. Недавно я вспомнил, где еще видел тебя.

– Да? И где же?

– В Онкологическом центре Шермана. – Его улыбка погасла, а мое сердце болезненно сжалось. – Я видел тебя там пару раз.

Ох.

Да уж, неловкая ситуация.

Я приходила в Онкологический центр Шермана с родителями, когда мама проходила курсы химиотерапии. Мама очень не хотела, чтобы я сопровождала ее, опасаясь, что это расстроит меня, но, если честно, я расстроилась бы куда сильнее, если бы не была с ней рядом.

Я промолчала.

– Ты болеешь? – спросил он.

– Нет.

Он сморщил нос.

– Кто-то из твоих знакомых заболел?

– Гм, моя мама. У нее рак груди, – выдохнула я, и как только слово *рак* слетело с моих губ, мне отчаянно захотелось затолкнуть его обратно. Стоило мне только произнести его, и слезы наворачивались у меня на глаза.

– Я сожалею, Элеанор, – воскликнул он, и, посмотрев в его честные глаза, я поняла, что он говорит правду.

– Спасибо. – Он не сводил с меня глаз, и у меня все сжи-

малось внутри. – А у тебя есть знакомые, которые больны?

На этот раз он смутился.

– Были. Мой дедушка. Он умер несколько недель назад. – И в его глазах появилось то, чего я никак не ожидала от Грейсона Иста, – грусть.

– Прими мои соболезнования, Грейсон, – произнесла я, надеясь, что он поверит, увидев искреннее сочувствие в моих глазах.

– Да, спасибо. Все говорят мне, что он отмучился, но я не знаю. Мне иногда кажется, что он оставил часть боли, чтобы я забрал ее себе. – Он подпер большим пальцем щеку, и я замерла.

Грейсон тосковал.

По-настоящему. И это потрясло меня, потому что раньше я никогда не замечала его грусти. Мне он всегда казался беззаботным и всеми обожаемым парнем.

Оказалось, что всеми обожаемые парни тоже могут грустить.

Грейсон сбросил с лица тоскливое выражение и улыбнулся.

– Я тут подумал... нам стоит потусить вместе.

Он сказал это как нечто само собой разумеющееся, словно эта мысль не казалась ему абсурдной.

Я саркастически расхохоталась, пытаясь скрыть волнение.

– Да, конечно, Грейсон.

– Нет, я серьезно. Давай встречаться.

Я огляделась, чтобы убедиться, что он разговаривает со мной.

– Ты не хочешь встречаться со мной.

– Хочу.

Я потянула пуговицу на своем пурпурном кардигане.

– Нет.

– Да, – настаивал он.

– Чтобы подобраться к Шай?

Он вскинул бровь и шагнул ко мне.

– Дело не только в твоей кухне. Но и в тебе.

– Мне кажется, это бессмысленно. Зачем тебе встречаться со мной?

– А что в этом такого? Ты заинтересовала меня на вечеринке, и я хотел бы узнать тебя получше.

– Я читала книгу в наушниках на вечеринке старшеклассников. Это не интересно. Это странно.

– А мне нравятся странности.

Я расхохоталась.

– Нет, не нравятся. Тебе *не* нравятся странности.

– Откуда ты знаешь, что мне нравится?

Я огляделась и пожала плечами.

– Просто предполагаю.

– Да ладно, не стоит. Если хочешь, ты можешь пообщаться со мной и лучше узнать меня, – предложил он.

– Мы с тобой из разных миров, Грейсон. Ты – это ты, а я – это я. Я хочу сказать, посмотри на свой дом, у тебя бешеная

меня Элли. И ты можешь, если хочешь.

– Ладно, Элли.

Услышав, как он произнес мое имя, я снова покраснела.

– А ты можешь звать меня Грей.

– Просто Грей?

– Да, просто Грей. – Он отвернулся и вскинул руку в воздух. – Пока, Элли.

Мои губы расплылись в улыбке, когда я смотрела ему вслед, тихо бормоча себе под нос: «Пока, Грей». Я все еще не могла поверить, что это произошло со мной.

– Это твой парень? – донесся до меня тоненький голосок.

Обернувшись, я увидела, что Молли с нахальным видом застыла в дверях, уперев руки в боки. Кудрявые рыжие локоны рассыпались по плечам, и она постукивала ногой об пол.

– Что? Нет. Он не мой парень.

– Тогда почему ты покраснела?

– Я не покраснела.

– Да прям. Ты похожа на яблоко.

– Многие яблоки зеленого цвета, – зашпорила я, подходя к ней.

– А ты – красное яблоко, и все из-за твоего *парня*, – поддразнила она меня. И вдруг начала скакать по веранде, распевая во все горло: – У Элли есть парень! У Элли есть парень!

– Молли, а ну-ка прекрати! – зашипела я и, бросив взгляд через плечо, заметила, что Грейсон смотрит на нас. Бог мой,

какой ужас.

– Почему ты не поцелуешь его? Иди и поцелуй своего парня! – Она продолжала болтать о парне, и я застонала, потирая ладонями щеки.

– Он не мой парень! – снова попыталась я переубедить ее.

– Тогда кто же он? – спросила она, по-прежнему с дерзким видом вставая в позу.

– Он – Грей. – Я вздохнула и, раскинув руки, подскочила к ней и подхватила на руки это любопытное существо. – Он просто Грей.

– Но он же совсем не серый, – заметила Молли. – Он загорелый!

Я усмехнулась.

– Нет, он не серый, но он Грей. У него имя такое – Грей.

– А что, бывают имена разного цвета?

– По всей видимости, да.

– А я могу быть розовой? Пинк?

Я пожала плечами.

– Ладно, Пинк.

– А ты будешь красная – Ред! Как твое лицо сейчас.

Что ж, сейчас мне вполне подходило такое имя.

4

Элеанор

Вам знакомы эти первые несколько мгновений после прочтения увлекательной книги?

Когда вы еще не понимаете, что делать с самим собой?

Вы просто сидите, уставившись на последние слова, не зная, как снова вернуться в прежнюю жизнь.

И как только книга могла закончиться?

Как ее персонажи исчезли в никуда?

Но для вас герои книги отпечатались в душе. Их поступки, разговоры эхом отдаются в вашей голове. Ваши слезы еще не высохли, а вы уже жаждете продолжения.

Я обожала это ощущение – сладостно-горькая любовная история между читателем и подходящей к концу книгой.

Именно это и происходило со мной после прочтения «*Гарри Поттера*».

Я не знала, куда себя деть. Мама все еще не оправилась от простуды, папа смотрел телевизор, и я занялась единственным, что казалось мне естественным в подобной ситуации: принялась думать о Грей-соне.

Я вела себя как обычный подросток.

Каждый раз, приходя к Молли, я начинала волноваться при мысли, что Грейсон сидит на крыльце своего дома на той же улице. Я понимала, что это глупо, но в эти дни гораздо

тщательнее расчесывала волосы и даже могла попросить у Шай косметику.

И даже выщипывать брови.

Каждый раз, когда Грейсона не оказывалось на месте, я с облегчением вздыхала, но мне становилось немного грустно.

И вот однажды в пятницу, спустя три недели после нашей встречи около дома Молли, мое сердце бешено заколотилось, когда я увидела, как он бежит ко мне через улицу.

– Я – из Гриффиндора, – объявил он, помахав мне книгой.

Оправив полы кардигана, я непонимающе уставилась на Грейсона.

– Что?

– Я же сказал, я из Гриффиндора. По крайней мере, мне так кажется. Сначала я подумывал еще и о Когтевране, но потом прочитал несколько статей в интернете и теперь не сомневаюсь, что Гриффиндор идеально мне подходит.

– Ты читал *«Гарри Поттера»*?

Он кивнул.

– Да. Извини, что исчез так надолго, но это весьма внушительные по объему книги.

– Ты... – Мое сердце снова затрепетало. – Ты прочитал *все* книги?

– Все пять, и теперь жду не дождусь, когда выйдет следующая.

Все тот же старый добрый Грей.

– И зачем ты все их прочитал?

– Чтобы у нас появилось нечто общее. Кроме того, я хотел, чтобы ты глупо влюбилась в меня против своих правил. – Он принялся листать книгу, демонстрируя свои любимые цитаты, которые заранее подчеркнул. Он говорил торопливо, перечисляя то, что ему пришлось по душе, а что не понравилось в каждой из книг. Он рассказал о своих любимых персонажах, о тех, кто его раздражал, и говорил так с видом человека, знающего, о чем речь.

Я все еще не могла осознать тот факт, что он вот так запросто прочитал все пять книг, чтобы у нас появилось нечто общее.

Если бы он был книжным персонажем, то, несомненно, стал бы главным героем.

Показав мне последнюю цитату, он захлопнул книгу, слегка пожав плечами.

– Итак, а откуда ты?

– Гм?

– На каком факультете Хогвартса ты бы училась?

– О. – Я провела носком кроссовки по краю тротуара. – В Пуффендуе.

– Так я и думал.

– Да, многие считают, что это худший факультет.

– Студенты Пуффендуя показались мне молчаливыми, но сильными и лояльными. Нет ничего плохого в лояльных и терпеливых людях. Хотелось, чтобы их было больше. – Я улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ и продолжил:

– Да, больше, Элли. – Он забарабанил пальцами по корешку книги. – А теперь, когда у нас есть кое-что общее, мы можем встречаться?

– Что ж, я дала обещание и теперь, как истинная воспитанница Пуффендуча, должна его сдерживать.

– Отлично. Что делаешь в следующий вторник?

– Пожалуй, что ничего.

– Классно. Хочешь прийти ко мне в гости? Я придумаю, чем нам заняться.

Я пожала плечами, стараясь казаться спокойной.

– Хорошо. – *Кстати: колени тоже могут потеть.* – Ладно, мне пора к Молли.

– Договорились. Увидимся во вторник!

Он направился прочь, а я застыла на месте, думая, что это сон. Мне хотелось ущипнуть себя, но я боялась проснуться. Если мне действительно все это снится, то мне хотелось как можно дольше растянуть этот волшебный миг.

* * *

– Мне нравится парень, – выпалила я в воскресенье вечером, когда мы вдвоем с мамой сидели в нашем тайном месте около Лори-Лейк. Мы ходили сюда, сколько я себя помнила, иногда даже зимой, укутавшись по уши в теплую одежду, чтобы побыть у воды. Больше всего на свете мама обожала

воду. Она говорила, что вода исцеляла ее. Мама мечтала однажды войти в воды океана, широко раскинув руки, но поскольку мы жили в Иллинойсе и океана поблизости не было, с осуществлением мечты приходилось подождать.

И пока что нас вполне устраивали небольшие озера и пруды. Мы считали своим долгом посидеть около нашего секретного пруда, наблюдая за порхающими вокруг стрекозами. Обычно на берегах Лори-Лейк летом было полно людей, но как-то мы обнаружили крошечный кусочек воды, скрытый между деревьями, и теперь все время приходили сюда, чтобы поговорить по душам.

Некоторое время мама чувствовала себя неважно, но сейчас ей стало чуточку лучше, и я была счастлива, что мы можем вернуться к обычным занятиям мамы и дочери. Она все еще выглядела утомленной, но уже не изможденной. Словно человек, который слишком много спал.

И все же я не могла унять шевелившуюся в душе тревогу. Она стала постоянной.

Мама склонила ко мне голову, и в ее голубых глазах от услышанного вспыхнула радость. На свете существовали две вещи, которые мы никогда не обсуждали: спорт и мальчишки. Меня не интересовало ни то, ни другое, но в тот день я поняла, что должна все ей рассказать, потому что она – мой самый близкий человек. И я все рассказала маме. Мы превратились в обычных Лорелей и Рори Гилмор.

– О боже, кто он? Как? Откуда?!

– Его зовут Грейсон Ист. Мы общались с ним на вечеринке, на которую вы с папой недавно вынудили меня пойти.

Она восторженно вскинула руки.

– Я знала, что поступила правильно, заставив тебя пойти на вечеринку с наркотиками и алкоголем!

Я хихикнула.

– Что-то вроде того.

– Итак, расскажи мне все. Чем он занимается? Как выглядит? Если бы он был животным, то каким? – Она подперла подбородок ладонями и смотрела на меня огромными глазами, полными любопытства.

И вот я рассказала ей все, ну, по крайней мере, все, что знала.

– Так вот зачем ты последнее время пользовалась моей косметикой? – догадалась мама.

– Ты заметила?

– Милая, я больна, но не мертва. Кроме того, нам надо провести урок макияжа, потому что то, как ты недавно завилла ресницы, выглядело чересчур.

Я расхохоталась.

– Мне просто хотелось, не знаю, выглядеть более женственно, что ли.

– Макияж не сделает из тебя женщину. Ты была накрашена, когда познакомилась с ним?

– Нет...

– Поэтому нет необходимости краситься и сейчас, если только ты сама не захочешь. Старайся нравиться себе, Элли, а не другим. А ты, судя по всему, понравилась ему такой, какая ты есть.

У меня внутри все перевернулось, и я принялась теревить большие пальцы.

– Он полная противоположность тому, как я представляла себе свою первую влюбленность.

– Это как?

– Ну, не знаю. Я думала, что влюблюсь в какого-нибудь занудного всезнайку, художника или музыканта. Грейсон очень популярен в школе.

– Ты говоришь так, будто он болен венерическим заболеванием, – пошутила мама. – Парень нравится людям, и что тут такого? В этом нет ничего плохого.

– Да, но это не просто какие-то люди, это *все*. Он мог бы заполучить любую девчонку, поэтому сложно представить, что он захотел бы...

– Нет. – Мама положила ладонь мне на колено. – Мы не станем этим заниматься. Не станем себя унижать. – Она убрала прядь волос мне за ухо и обхватила ладонями мое лицо. – Ты красива не только внешне, Элеанор Роуз, но и внутренне. У тебя богатое воображение. И самый приятный на свете смех. Ты добра, отзывчива и отважна. И потому никогда не думай, что ты недостаточно хороша, если недотягиваешь до стандартов журналов мод. Ты – прекрасна.

Мама всегда так поступала, когда меня время от времени начинали одолевать подростковые комплексы.

Легко почувствовать себя серой мышью в мире, где полно королев школьных балов, и все же мама постоянно напоминала мне, какая я замечательная.

Мне очень повезло с мамой.

– Кроме того, похоже, ты привлекла его внимание не только внешностью, *но* и умом, – заметила она. – А это о многом говорит.

– Давай только ничего не скажем папе? Он слишком болезненно относится к подобным вещам.

– Твой отец ни разу в жизни не брался за оружие, но, думаю, известие о твоей первой влюбленности может вывести его из равновесия, поэтому это останется между нами.

– Спасибо.

Она начала отвечать, но вдруг зашлась в приступе кашля. Понадобилось некоторое время, чтобы она смогла отдышаться, и я вся сжалась от беспокойства. Когда приступ прекратился, она покачала головой.

– Все в порядке, Элли.

Иногда мне казалось, что она специально так говорит, чтобы не делать мне больно. Я думала, что мамы готовы на что угодно, лишь бы убереечь детей от страданий.

Я положила голову ей на плечо, и мы уставились на воду, над которой пронеслись три стрекозы.

– Он прочитал «Гарри Поттера», все пять книг, потому

что я сказала, что у нас нет ничего общего, а он хотел переубедить меня.

У мамы округлились глаза и отвисла челюсть.

– Он прочитал твои любимые книги?

– Да.

– Элеанор?

– Да?

– Выходи за него замуж.

5

Элеанор

Когда во вторник я отправилась к Грейсону, на мне был кардиган со стрекозами. Тот самый, в котором я была на вечеринке – я решила, что он должен принести мне удачу. Я не стала краситься, потому что это больше не имело значения, тем более что мне надоело тыкать в глаз щеточкой для туши.

Идя по Уэстон-стрит, я пыталась справиться с волнением. В конце концов, это же всего лишь свидание, а не свадьба.

Незачем делать из мухи слона.

Я поднялась на крыльцо дома Грейсона и позвонила в дверь.

Нервно теребя пальцы и переминаясь с ноги на ногу, я несколько мгновений ждала, когда он появится. Еще никогда в жизни мне не приходилось так мучительно долго ждать, когда откроют дверь, но, судя по размерам дома Грейсона, это выглядело вполне понятным.

Наконец он возник на пороге, сжимая в объятиях большого пушистого черного кота.

Мои глаза округлились от восторга.

– О боже, кто это у нас такой?

– Это Мяу, мой лучший друг, – объяснил Грейсон, разрешая мне погладить кота. – Он старый пердун, но все равно самый клевый чувак в округе.

Я улыбнулась, глядя на кота.

– Привет, Мяу. Я – Элли.

Мяу мяукнул, а затем прыгнул на пол и прошествовал обратно в дом, несколько не заинтересовавшись моей персоной. Я не смогла сдержать смех.

– Он милый, – сказала я.

– Да. Итак, ты готова? – спросил Грейсон, снимая с вешалки в холле толстовку с капюшоном.

– Да, но куда мы идем?

– Я подумал, что, прочитав эти книги, узнал кое-что из того, что тебе нравится, а теперь мне хотелось бы, чтобы ты узнала о том, что нравится мне. Мы идем в кино.

– О! И на какой фильм? – спросила я, когда мы спустились с крыльца.

– Ну, по вторникам в кинотеатре «Кэмерон» показывают старые фильмы о кунг-фу. На этой неделе идет «Король-боксер».

– Ты смотришь старые фильмы о кунг-фу?

– Да. Когда дедушка был жив, мы смотрели их вместе. А потом я просто продолжил смотреть их один. – Он покачался на пятках, снова постукивая себя пальцами по ногам, как делал каждый раз, когда чувствовал себя неловко. – Слушай, если ты не хочешь в кино, мы можем заняться чем-нибудь еще, например, поесть мороженого. Я просто подумал...

Мое сердце...

Я улыбнулась и ласково покачала головой, потирая ладо-

нюю правую руку.

– Мне кажется, это отличная идея. – Он улыбнулся в ответ. – И даже больше, Грей, – с улыбкой повторила я когда-то сказанные им слова.

Мы зашли в кинотеатр, где он купил попкорн и конфеты. Из-за брекетов я почти не могла съесть ничего из этих угощений, но все было замечательно. Мой живот и так был переполнен от порхавших в нем бабочек.

Его любимой сладостью оказалась красная лакрица, и он сказал, что его приучил к ней дедушка.

Бабочки в моем животе не унимались, даже когда мы сидели в зале. Скорее, увеличились в размерах. Я была готова поклясться, что наши руки скользнули друг к другу во время фильма. А когда наши мизинцы вдруг соприкоснулись, у меня замерло сердце.

Когда мое волнение стало невыносимым, я положила ладони на колени, изо всех сил стараясь убедить себя не переоценивать значение легкого прикосновения. Я ругала себя за то, что отдернула руку, потому что не смогла узнать, что произошло бы дальше. А что было бы, если бы мы сцепили мизинцы? Взялись бы за руки? Почувствовал бы он, как бешено колотится мое сердце?

Каждый раз, когда Грейсон смеялся во время фильма, я вторила ему, потому что, слыша его смех, невозможно было отделаться от мысли, что перед вами не самый счастливый на свете человек. Это был отличный фильм, но большую его

часть я наблюдала за тем, как Грейсон наслаждается им. Широко распахнутыми глазами он вглядывался в экран и закидывал голову назад в самые напряженные моменты, запихивая в рот горсти попкорна.

Теперь мне было дико, что я думала, будто знала, кем был этот всеобщий школьный любимец. Совершенно очевидно, что я ошибалась. В Грейсоне скрывалось нечто гораздо большее, чем его умение играть в баскетбол, кроссовки Nike и привлекательная внешность.

У него была индивидуальность, невидимая в школе, начиная от его любви к коту, фильмам о кунг-фу, тоски по деду до особенного выражения одиночества, проскальзывавшего в его взгляде.

И я чувствовала себя полной дурой, что судила о нем, не узнав хорошенько.

И все, что мне открывалось, еще сильнее притягивало меня к нему. В Грейсоне было столько слоев, и каждый раз, когда он приоткрывал душу, я ощущала себя так, словно меня посвятили в великую тайну.

– Понравился фильм? – спросил он, и в его голосе прозвучала неуверенность.

– Это было потрясающе! Раньше я не видела фильмов о кунг-фу.

Он облегченно вздохнул и положил ладонь на грудь.

– Отлично. А то я волновался. Большинство девушек считают чудачеством, что я смотрю эти фильмы, но я их просто

обожаю.

– А мне нравится, что это нравится тебе.

– Так, что у нас по плану теперь? Хочешь перекусить?

– Я всегда готова подкрепиться, – согласилась я.

Мы отправились в кафе-мороженое, где я обнаружила, что нам обоим нравится ванильное мороженое с шоколадной глазурью. Мы нисколько не стеснялись, что перемазались им. Наслаждаясь своим угощением, я не могла удержаться, чтобы не спросить его о том, что меня удивляло.

– Почему ты вдруг захотел встречаться со мной? – выпалила я, чувствуя, как запылали мои щеки, стоило словам сорваться с губ.

Он замер, не донеся до рта ложечку с мороженым, и выгнул бровь, уставившись на меня.

– В смысле?

– Просто это выглядело немного странно.

– О. – Он отправил ложку в рот и продолжил с набитым ртом: – Мне показалось тогда, что ты не в восторге от меня.

– И поэтому захотел со мной встречаться?

– Да.

– Но зачем?

– Потому что большинство девчонок ведут себя так, словно я говорю и делаю нечто экстраординарное, хотя на самом деле я болтаю много глупостей. Я бы сказал, девяносто процентов из того, что я говорю, – полная чушь.

– Я бы округлила эту цифру до ста, – пошутила я.

Он ухмыльнулся.

– Видишь? Именно так. А другие никогда бы так не сказали. Такое ощущение, что им нравится парень, которого они выдумали, и они понятия не имеют, кто я такой на самом деле. А тебе вообще нет до меня дела.

– И ты хочешь встречаться со мной, потому что мне нет до тебя дела?

– Именно.

Я усмехнулась.

– Как-то запутанно.

– Возможно, но это правда. Кроме того... у тебя больна мама... – Он осекся, и я ощутила странную пустоту внутри.

– Я не хочу, чтобы ты встречался со мной из сострадания, – ответила я. Я не нуждалась в его жалости.

– Нет, дело не в этом. Ну, я правда сочувствую тебе, просто здесь все сложнее. – Он потер лоб. – Знаешь, когда мой дедушка болел, я не мог больше думать ни о чем другом, и мне так хотелось, чтобы кто-нибудь хотя бы ненадолго мог отвлечь меня от этих мыслей. И я хотел сделать это для тебя. Хотел, чтобы ты могла подумать еще о чем-нибудь и не чувствовала себя одинокой. – Я не верила своим ушам.

Даже в моих книгах не встречалось столь замечательных героев.

Проглотив мороженое, я закусила губу.

– О.

Это все, что я могла сказать, потому что меня переполня-

ли эмоции.

– И поэтому я хочу перейти к следующей теме. – Сцепив пальцы, он вытянул вперед руки, а затем положил их на стол. – У меня есть предложение.

– Да? Какое?

– Мы должны видеться по крайней мере раз в неделю, чтобы ты не сошла с ума.

– В смысле?

– Ты доведешь себя до безумия, беспокоясь о маме семь дней в неделю. Поверь, я знаю. Сам через это прошел.

– Но я в порядке, – заспорила я.

Он вскинул бровь.

– Как часто ты ищешь в интернете информацию о раке?

Гм...

Один, два, может быть, несколько...

– Ну, пару раз, – солгала я.

Он улыбнулся.

– Каждый день, да? Готов поспорить, тебе от этого только хуже. Поэтому раз в неделю ты должна освобождать свою голову от мыслей об онкологии. Вот почему дедушка заставлял меня ходить с ним в кино по вторникам. Чтобы я мог отвлечься. И это помогало.

– Ты хочешь, чтобы каждый вторник я ходила с тобой в кино?

– Нет, мы можем придумать много разных занятий. Главное – не дать тебе загружать себя грустными мыслями хотя

бы несколько часов. Ну а после этого можешь возвращаться к своим печальным поискам в интернете, – попытался пошутить он.

Я прищурилась.

– Только раз в неделю?

– Да, мне понадобится всего лишь три-четыре часа твоего времени. Это беспроектный вариант для нас обоих.

– А для чего это тебе? Моя выгода ясна, я смогу на время уйти от реальности, но для тебя в этом нет никакой пользы.

– Я стану встречаться с тобой, а значит, мне будет не так одиноко.

Я расхохоталась.

– Вокруг тебя всегда полно людей. Сомневаюсь, что ты вообще представляешь, что такое одиночество.

Он насупился, проведя большим пальцем под носом. А затем уставился в почти пустой стаканчик с мороженым.

– Тебе приходилось оказываться когда-нибудь в многолюдном месте и чувствовать, что ни один человек из этой толпы ничего о тебе не знает? – спросил он. – И все, что о тебе говорят, звучит так фальшиво. Все, что эти люди знают о тебе, – лишь набор случайных домыслов, которые они создали в своем воображении, но они не *знают* настоящего тебя. Они знают лишь вымышленного персонажа. Вот что такое одиночество – это жизнь в мире, где никто не видит тебя настоящего.

Ух ты. Он только что в точности описал мои собственные

ощущения от школьной жизни.

– Что ж, возможно, ты действительно знаешь, что это такое, – ответила я.

– Ну, и что скажешь? Согласна? – спросил он, сжав ладони.

– Да, – тут же ответила я, и мне было все равно, что ответ прозвучал слишком поспешно, все равно, как радостно прозвучал мой голос. – Согласна.

Грейсон улыбнулся.

И мне это понравилось.

Что бы там ни было.

– Отлично. Я подумаю над тем, чем мы займемся! Думаю, будет весело. – Казалось, он искренне обрадовался, и его радость передалась и мне.

Мы доели мороженое, а затем он проводил меня до дома. Я была рада, что Грейсон оказался очень разговорчивым, потому что несколько раз умолкала, не зная, как продолжить разговор. Но у него прекрасно получалось разговорить меня.

– Спасибо, что пришла сегодня, Элли. Я отлично провел время, – сказал он, покачиваясь на пятках своих кроссовок Nike.

– Да, я тоже.

– Как насчет следующей среды?

– Это свидание, – произнесла я и тут же почувствовала, как кровь прилила к лицу. – Я хочу сказать, не настоящее свидание, но что-то вроде встречи, когда двое людей обща-

ются...

– Это свидание, – ласково ухмыльнулся Грейсон. – Поговорим об этом позже. И смотри не погрязни в интернете, ладно?

Он уже собрался уходить, но я окликнула его.

– Да? – ответил он.

– Я просто хотела сказать, что я вижу тебя настоящего, вижу тебя таким, каким не видят тебя остальные.

Сморщив нос, он потер затылок.

– Отлично, потому что я тоже тебя вижу.

Я столько времени провела, прячась в тени. Избегала людей, потому что невидимкой быть гораздо безопаснее. Люди не могли осуждать меня, когда я растворялась посреди толпы. Не могли смеяться мне в лицо. Я всегда считала, что прятаться – это лучший выбор.

Но в тот день мои мысли медленно развернулись в другом направлении, потому что Грейсон остановился и внимательно присмотрелся ко мне. И кто бы мог подумать, что это окажется таким чудесным – когда тебя видят...

6

Грейсон

Родители снова воевали. На дворе стояла ночь, деваться мне было некуда, поэтому я заперся в своей комнате, нацепил наушники и включил музыку на полную громкость. Нелегко было заглушить их вопли, но я старался изо всех сил. Усевшись на кровать, я уставился в потолок, размышляя о том, что мы будем делать в следующую встречу с Элеанор. Думал о местах, в которых она захотела бы побывать, и о том, чем бы захотела заняться.

Я пытался придумать, что она могла бы есть, учитывая ее брекеты, чтобы ее не раздражало, когда я буду поглощать пиццу. Подумал, что, может, стоило бы подарить ей цветы, чтобы сделать приятное, но затем мне пришло в голову, что, возможно, она равнодушна к цветам. Не всем девчонкам нравились цветы, хотя большинство их обожали.

А затем я вспомнил ее улыбку.

Она всегда улыбалась несколько натянуто, едва показывая зубы. Скорее всего, виной тому были брекеты, из-за них она чувствовала себя неуверенно. Но у нее не было причин для неуверенности. Когда Элеанор улыбалась от души, это было самое прекрасное, что я видел в своей жизни.

Мама назвала отца засранцем, а затем я услышал, как что-то разбилось.

Я сделал музыку погромче и снова погрузился в размышления.

Коньки.

Интересно, любит ли Элеанор кататься на роликах?

А я с удовольствием покатался бы вместе с ней.

Хотя, скорее всего, шлепнулся бы на ровном месте.

В ту ночь я думал об Элеанор. И постепенно эти мысли стали единственными, что не давало мне сойти с ума. Я сказал ей, что хотел бы стать ее другом, чтобы она не чувствовала себя одинокой, но, возможно, мне самому требовался друг не меньше, чем ей.

А возможно, я нуждался в ней даже больше, чем она во мне.

* * *

– Ладно, возьми столько книг, сколько захочешь, и отправимся навстречу первому приключению, – сказал я Элеанор, когда мы шли по отделу фэнтези букинистического магазина. Прошла всего неделя с нашей последней встречи, но мне казалось, что минула целая вечность.

– О, Грей, не стоит говорить подобные вещи истинному книгоману. Нам понадобится грузовик, чтобы вывезти отсюда все книги, – попробовала пошутить она.

– Хорошо, тогда давай выберем парочку и направимся дальше. Но можешь не спешить. У нас полно времени.

Она отправилась на поиски своих двух книг, а я изо всех сил пытался ограничить их общее количество до пяти.

Я выбрал фэнтези и ужасы, а она исторический роман и комедию.

Я собирался позаимствовать у нее эти книги после того, как Элеанор прочтет их.

– Ладно, и что теперь? – спросила она, прижимая к груди книги.

– Пойдем в кофейню и читаем. Думаю, этим и занимаются люди – пьют кофе и читают книги.

Она зарделась, но попыталась скрыть от меня свои пунцовые щеки, слегка отвернувшись, и это было чертовски мило.

– О, здорово, – воскликнула она. – Хотя я никогда не пила кофе.

– Что? И ты называешь себя книгоманом? – расхохотался я. – Хотя я тоже не пил кофе, но мы можем это исправить.

Она улыбнулась, и это тоже было чертовски мило.

Мне нравилось, как она улыбалась – улыбалась *по-настоящему*, не пряча брекеты. Ее искренние улыбки означали, что она не грустит, и это было замечательно. Очень важно, если в жизни бывает хотя бы несколько моментов, когда вам не грустно.

Мы направились в кофейню в паре кварталов от книжного магазина. Оказавшись внутри, мы попробовали почти все их фирменные напитки.

Я размышлял, заметила ли Элеанор, как у меня подерги-

вались глаза от избытка кофеина.

Хотя, скорее всего, она ничего не заметила, потому что была увлечена разговором, вдруг сделавшись словоохотливой. Вероятно, ее избыток кофеина сделал менее стеснительной.

Я обнаружил, что мне нравится мокко. Элеанор оказалась более придирчивой: два кусочка сахара, ваниль, дополнительная порция сливок.

Когда мы определились с выбором напитков, разговор на время утих, потому что мы погрузились в чтение, попивая кофе. Но Элеанор то и дело поглядывала в мою сторону и улыбалась, а я улыбался в ответ.

Ее улыбка завораживала меня. Так я мог привыкнуть видеть ее раз в неделю.

Пару часов спустя мы двинулись обратно к ее дому. Мне нравилось смотреть, как бережно она прижимает к груди книги, словно маленьких детей.

– Знаешь, о чем я совсем не думала последние два часа? – спросила она, когда мы остановились около ее дома.

– И о чем?

– О раке.

Я улыбнулся.

Это же прекрасно.

Мы продолжили встречаться, а когда не удавалось увидеться, общались в AOL. Я рассказывал, какие фильмы о кунг-фу нравятся мне больше всего, а она скидывала мне свои любимые романы. А затем мы выполняли домашнюю работу, смотря фильмы или читая книги, и делились впечатлениями.

В дни, когда Элеанор сидела с Молли, она первым делом подходила к моему дому, где я уже поджидал ее, сидя на крыльце. А затем я провожал ее через три дома, переходя улицу, и шел до крыльца Молли. Вернувшись домой, я вспоминал ее улыбку.

Я вспоминал ее смех, ее любимые кардиганы и то, как расцветало ее лицо, когда она рассказывала об интересной книге. Вспоминал, как улыбка угасала каждый раз, как я спрашивал о здоровье ее мамы. Я вспоминал о том, что делало ее счастливой. И о том, что огорчало ее.

Обо всем.

Я вспоминал обо всем этом.

И продолжал придумывать, чем еще мы могли бы заняться при встрече. Чтобы отвлечь ее. И чтобы она была рядом со мной.

Проснувшись утром, я первым делом думал об Элеанор, а последней моей мыслью перед тем, как моя голова касалась

подушки, тоже была мысль о ней.

Я и не представлял, что такое возможно.

Не знал, как быстро ваше сердце может привязаться к человеку, который еще недавно был вам совершенно незнаком.

Элеанор

Наконец-то я решила показать Грейсону стрекоз. Мы встретились на парковке у Лори-Лейк, и, увидев его, я подумала, что он стал еще красивее, чем прежде. На нем были простая белая тенниска и темные джинсы, но для меня он выглядел просто сногсшибательно.

– Привет, – улыбнулась я.

– Привет, – ответил он, а затем обнял меня.

Подошел ко мне, раскинул руки и прижал меня к себе. Да. Он обнял меня.

Наше первое объятие.

И он сделал это так непринужденно, словно мы всегда обнимали друг друга при встрече. Я тоже обняла его и, возможно, держала его в объятиях дольше, чем следовало, но мне было все равно. И, похоже, ему тоже было все равно, потому что он крепко прижимал меня к себе, пока я первая не отпустила его.

Отступив назад, я откашлялась, не в силах взглянуть на него из-за переполнявшего меня волнения. Что означало это объятие? Возможно, эти несколько мгновений, что мы прижимались друг к другу, значили больше, чем простое дружеское объятие? Волновался ли он, как и я? Или же я преувеличивала каждое мгновение наших встреч с тех пор, как

Грейсон Ист появился в моей жизни?

– Ну, и где же стрекозы? – спросил он, отвлекая меня от волнующих мыслей.

Я откашлялась, потирая правую руку.

– Ах, они там. Пойдем.

Мы направились через территорию парка, которую множество отдыхающих облюбовали в качестве места для пикников и игры в волейбол. Летом на озере было полно людей. Городок Рэйн не мог похвастаться обилием теплых деньков, и потому жители пользовались любой удобной возможностью, чтобы понежиться под лучами солнца.

Когда мы с Грейсоном вышли на пешеходную тропу, он стал гладить каждую собаку, попадавшуюся нам на пути. Каждый раз, когда он замечал нового пса, его глаза загорались так, словно это была единственная в мире собака, и он тут же оборачивался ко мне со словами: «Ты только взгляни на его нос, Элли! Подумать только, он улыбается!» Словно он только что обрел нового лучшего друга, пока на горизонте не появлялся новый.

Его любовь к животным мешала мне контролировать нарастающие чувства к этому парню.

Можно быть чуточку менее идеальным, Грейсон? Это было бы замечательно, благодарю.

Когда мы прошли половину пути, я кивнула влево.

– А теперь нам надо свернуть с тропы и пройти через лес. Он вскинул бровь.

– Ты ведь не собираешься заманить меня в лес, чтобы убить, правда?

Я расхохоталась.

– Не глупи, Грей. Если бы я хотела тебя убить, то давно бы это сделала.

– Что ж, звучит обнадеживающе.

Мы начали продираться через чащу, и ветки то и дело хлестали нас по лицу. Через три минуты борьбы с густой листвой мы выбрались на поляну, и Грейсон расплылся в улыбке.

– Ух ты, – воскликнул он, глядя на раскинувшуюся перед нами водную гладь. По сравнению с озером этот водоем был крошечным, но отсюда он казался огромным, особенно для нас двоих. У воды лежало несколько поваленных древесных стволов, на которых мы обычно сидели и болтали с мамой. Повсюду буйствовали полевые цветы, а трава сияла изумрудной зеленью.

– Классно, да?

Я подвела его к бревну, и мы уселись рядышком.

Некоторое время мы молчали, любуясь красотой окружавшей нас природы. Грейсон притих, но его улыбка оказалась красноречивее любых слов, и я поняла, что ему нравится эта тишина.

А затем мимо нас пронеслась стрекоза.

– Теперь я понимаю, почему тебе здесь так нравится. Здесь так безмятежно, – воскликнул Грейсон.

– Кроме того, вода вдохновляет маму, когда она пишет

картины.

Мои слова его заинтересовали.

– Твоя мама – художница?

– Да. Она всю свою жизнь занималась этим ради удовольствия. Она потрясающая.

– А в чем заключается ее работа?

– Ну, днем она сидит с детьми, а вечером рисует. Она могла бы посвятить рисованию все свое время, но ей нравится возиться с ребятишками.

– Классно.

Я помрачнела.

– Думаю, да.

– В чем дело?

– Просто недавно она перестала работать няней. И не рисует, как раньше, – сказала я, заерзав на бревне. – Думаю, у нее просто нет сил после химиотерапии.

Улыбка Грейсона угасла.

– Мне очень жаль, Элли.

– И мне тоже. – Чем меньше она рисовала, тем реальнее становилась для меня ее болезнь. Но я изо всех сил старалась отогнать от себя эти мысли. Стоит мне только соскользнуть в пучину тоски, и обратно уже не выбраться. – А твои родители? Чем они занимаются? – спросила я, меняя тему.

Он пожал плечами.

– Отец – генеральный директор компании по производству виски, а мама бесконечно путешествует. Я их редко ви-

жу. Маму я не видел уже пару недель, а отец только иногда забегает поспать. Большую часть времени он живет в квартире в Чикаго, чтобы не ездить домой.

– Выходит, ты почти все время один?

– Да. Раньше у меня был дедушка, но с тех пор как он умер... да, я остался один.

– Ты скучаешь по ним? – спросила я. – По родителям?

– Это неважно. Моя тоска по ним не заставит их остаться. И я постоянно говорю себе, что не стану таким, как они, понимаешь? Я хочу быть другим, если когда-нибудь у меня появятся дети. Я бы никогда их не бросил. Предполагается, что через пару лет я возглавлю компанию, но буду вести дела иначе, нежели мой отец. Я бы чаще бывал дома. Мой дедушка мог делать и то, и другое: не только вести бизнес, но и быть родителем. Он постоянно появлялся дома.

– Мне кажется, многие люди не понимают, как важно просто приходить домой.

– Да, это многое значит, – согласился он.

– Значит, ты унаследуешь отцовскую компанию?

– Да. Ее основал дедушка. Полагаю, это семейное дело.

– И ты именно этим хочешь заниматься? Кем ты хочешь стать, когда станешь взрослым? – спросила я.

– Хочу стать счастливым, – мгновенно ответил он.

– Счастливым?

– Да. Только и всего. Именно об этом мне всегда говорил дедушка. Он говорил: «Слушай внимательно, Грейсон. Ты

можешь быть кем угодно, и все будет хорошо. Заслуги на работе не так уж важны, пока на столе есть пища, а в очаге горит огонь. А вот что действительно важно, так это ощущение счастья. Поэтому, когда ты по-настоящему повзрослеешь, постарайся стать счастливым. И тогда все остальное встанет на свои места». Поэтому я хочу быть счастливым. И мне все равно, чем я занимаюсь, если я счастлив.

Мне несказанно понравился его ответ.

– А ты, Элли? Чего хочешь ты?

– Хочу быть счастливой, – повторила я его слова. – Думаю, я тоже просто хочу быть счастливой.

Он улыбнулся и ласково подтолкнул меня плечом. А затем вскинул голову, уставившись в небо.

– Как же мне здесь нравится...

– Да. Как хорошо укрыться от мира маглов, – заметила я.

Он ухмыльнулся.

– Ты сильно увлечена всем, что связано с Гарри Поттером, да?

– Для меня это словно воздух, – как ни в чем не бывало откликнулась я.

Я и представить себе не могла, как бы пережила последние несколько лет, если бы не книги о Гарри Поттере. Если бы не они, я могла бы поверить во всю ту чушь, что люди рассказывали обо мне.

Я бы поверила, что во мне нет ничего волшебного, и это стало бы для меня огромным позором.

Как печально, что многие люди жили на свете, даже не догадываясь, сколько в них волшебства.

– Думаю, здорово, что ты так увлечена этим, – сказал он. – И я жду не дождусь выхода следующей книги.

– Я тоже, – призналась я. – Скорей бы.

Мы сидели, наблюдая, как вокруг с жужжанием носятся стрекозы, и я набрала полную грудь воздуха и медленно выдохнула.

– Я могу спросить тебя? Ты можешь не отвечать, если не хочешь.

– Спрашивай.

– Что это за история со Стейси Уайт? Не хочешь – не говори, но, мне кажется, раз уж она стала причиной нашего знакомства...

Он потер переносицу.

– Мне неловко.

– Можешь не рассказывать, правда. Я спросила из любопытства.

Он стиснул ладони, расправил плечи, щелкнув позвоночником.

– Ну, мне тоже было бы любопытно. Но это ужасно нелепая история.

– Грейсон, я ношу вязаные кардиганы со стрекозами. Вот что нелепо.

Он вздохнул и, кивнув, обернулся ко мне. А затем снова сжал ладони.

– Ладно. Мы со Стейси встречались некоторое время, совсем недолго, и я даже не знал, стоило ли вообще мне с ней встречаться, потому что она совершенно не в моем вкусе. Она слишком самовлюбленная, но это уже неважно. Все шло неплохо, пока она не захотела, ну, ты понимаешь... – Грейсон покраснел, еще никогда я не видела его таким смущенным.

Наконец-то мы оказались на равных.

– Догадываюсь. – Я кивнула, изо всех сил стараясь ободрить его.

– Когда я сказал ей, что никогда раньше этим не занимался, она расхохоталась, решив, что я разыгрываю ее, и я рассмеялся в ответ, решив обратить все в шутку. Но когда мы занялись сексом, я не смог... – Он опустил глаза. – Ну, я так разволновался, что у меня... не получилось. – Последние слова он произнес едва слышно, и я прониклась к нему еще большей симпатией.

– Я волновался и преувеличивал, и я понимаю, что мне семнадцать, а я еще ни разу...

– Я тоже ни разу, – оборвала его я.

Он изумленно уставился на меня, и его взгляд порастил меня. Он удивлен, что любительница кардиганов и Гарри Поттера все еще девственница?

Это невозможно!

– Правда? – произнес он с таким видом, словно он не единственный чудака на планете.

– Правда-правда. Ничего удивительного. Я даже ни разу не целовалась.

– Ты ошибаешься, – возразил он. – Еще как удивительно. Я пожала плечами.

– Думаю, большинство наших ровесников преувеличивают важность таких отношений.

– Именно так и поступила Стейси. Она рассмеялась мне в лицо, а затем принялась оскорблять, говоря, что самый популярный в школе парень не смог удовлетворить ее. И я порвал с ней. Она разозлилась и пригрозила, что расскажет всем о моих... способностях. Я все рассказал Лэндону, и он разрулил ситуацию. У него был компромат на Стейси, и она не хотела, чтобы другие узнали неприятные подробности о ней, поэтому заткнулась. Вот почему я обязан Лэндону.

– Понятно.

– Да. Он придурок, но он мой лучший друг, так что, по крайней мере, он верный придурок.

– Ух ты. Конечно, это очень мило с его стороны... но он шантажом заставил тебя заговорить на вечеринке с настоящей чудачкой.

– Но я ни капельки об этом не жалею, – как ни в чем не бывало откликнулся он.

Вздых.

– Я тоже.

– Я благодарен тебе, Элли.

– За что?

Откашлявшись, он почесал затылок.

– С тех пор как умер дедушка, я чувствовал себя одиноко, мне было очень грустно и даже на вечеринках, среди других людей, я чувствовал себя не в своей тарелке. Но с тобой я не одинок. С тобой я чувствую себя самым собой. И я благодарен тебе за это. А я почти забыл, каково это.

– Забыл, каково это?

Он пожал плечом.

– Быть счастливым.

8

Элеанор

– Так что за приключение у нас ожидается сегодня? – поинтересовалась я у Грейсона, когда одним субботним днем он зашел за мной. Мне хотелось хотя бы ненадолго забыть о реальности, потому что у мамы выдалась непростая ночь. И сейчас она отдыхала под присмотром папы.

Я спросила, хочет ли она, чтобы я осталась дома, но она настояла, чтобы я пошла на свидание с Грейсоном и хорошо провела время. Ей хотелось, чтобы я наслаждалась жизнью, а не тревожилась постоянно о ней.

Грейсон улыбнулся и засунул руки в карманы джинсов.

– Я подумывал о том, чтобы выиграть для тебя плюшевую игрушку на сельской ярмарке.

Что ж, мне это вполне подходило.

Мне многое нравилось в общении с Грейсоном. Я обожала смотреть, как он оживленно жестикулирует, рассказывая мне о чем-то. И слушать, как он что-то напевает, когда счастлив. Иногда мы шли по улице, и он начинал стучать пяткой в такт какой-нибудь песенке, которую мурлыкал себе под нос.

Мне нравилось, что, когда он смотрел на меня, он глядел мне в глаза, словно я единственная девушка на Земле. Нравилось, что, слушая меня, он задавал вопросы, чтобы поддержать разговор. И я обожала маленькую ямочку, появляв-

шуюся на его левой щеке каждый раз, как он улыбался.

Мне нравилось, как его ладонь случайно касалась моей, когда мы держались за поручни кабинки на карусели на ярмарке. Мне нравилось, что он мог зараз слопать три корндога и тут же захотеть сахарную вату. И я обожала его смех.

Боже, как же я обожала его смех.

И восхищалась его решимостью выиграть для меня эту дурацкую плюшевую игрушку.

– Ладно уже, Грей, – расхохоталась я. Мы стояли перед будкой, где он изо всех сил пытался сбить мишень бейсбольным мячом, чтобы заполучить приз.

– Нет! Я смогу, – пропыхтел он, похоже, еще больше исполнившись решимости добиться своего, хотя промазал уже четырнадцать раз подряд. Взяв мяч, он сделал шаг назад, размахнулся и изо всех сил сделал бросок.

И промахнулся всего на пару дюймов.

– Вот черт, – пробормотал он.

– Пять баксов еще за пять мячей, – заявил служащий.

– Это того не стоит, – произнесла я, слегка коснувшись руки Грейсона. – Здесь никто не выигрывает.

Грейсон прищурился и, порывшись в бумажнике, извлек еще пять долларов. При таком раскладе бедняга собирался растратить деньги, отложенные на колледж, чтобы выиграть для меня эту панду.

Он снова принялся бросать мячи, и, конечно, опять безрезультатно. В какой-то момент даже служащему надоело

упорство Грейсона.

– Вот этот, – сказал Грейсон, сжимая в руке двадцатый мяч. – Этот бросок будет не такой, как остальные, – пообещал он.

И в каком-то смысле он оказался прав.

Грейсон размахнулся, метнул мяч, но, к несчастью, мяч ударился о край мишени и отскочил назад, угодив ему прямо в лицо.

– О боже! – взвизгнула я, когда Грейсон отшатнулся назад и упал. Бросившись вперед, я наклонилась над ним. – Грей, ты в порядке?

– Я выиграл? – спросил он, плотно зажмурив левый глаз. От удара под глазом уже разливалась краснота. Я помогла ему подняться.

– Нет.

– Черт, я думал, что в этот раз точно получится.

– Вот, приятель. Возьми панду, – сказал циркач, протягивая нам плюшевого медведя. – Тот, кто так старался впечатлить девушку, по праву заслужил этот приз.

Грейсон ухмыльнулся, а тем временем синяк у него под глазом уже стал пунцовым. Он взял панду и протянул мне.

– Видишь? Я знал, что на этот раз повезет! – воскликнул он.

Я расхохоталась.

– Да ладно, давай найдем место, где ты сможешь посидеть, а я принесу лед для твоего глаза. – Он вручил мне плюше-

вого медведя, и я крепко прижала его к себе.

Спасибо, Грей.

Я довела его до скамейки и заставила сесть, а сама бросилась на поиски льда. А когда вернулась, этот парень с иссиня-черным синяком под глазом с идиотской улыбкой поедал сахарную вату.

И в этот момент он так нравился мне...

Он продолжал поглощать сахарную вату, когда я уселась рядом.

– Сиди спокойно, – приказала я, приложив ткань со льдом к его глазу. Он слегка поморщился. – Прости, – воскликнула я, убирая лед. Мои пальцы ласково коснулись его опухшего века. – Я просто хотела приложить лед, чтобы не было хуже. – Я снова прижала мешочек со льдом к его глазу, и он улыбнулся.

– Мне нравится, – сказал он.

– Лед на лице?

– Нет. Мне нравится, когда ты прикасаешься ко мне.

У меня перехватило дыхание, сердце замерло, а Грейсон продолжал улыбаться.

Я ничего не ответила, потому что утратила способность говорить, но не сомневалась, что по моему пунцовому лицу он догадался, какое впечатление произвели на меня его слова.

– Я понимаю, что сегодня у нас уже было предостаточно событий, но если ты согласна, у меня на DVD есть один из

любимых дедушкиных фильмов о кунг-фу. Я подумал, мы могли бы посмотреть его у меня дома, – предложил Грейсон.

– Конечно, отличная идея.

Мы направились к его дому. Я не сводила глаз с синяка на лице Грейсона, но его, похоже, это ни капельки не беспокоило. Он просто начал мурлыкать очередную мелодию, а я ее подхватила.

И так мы напевали в унисон, пока не добрались до дома Грейсона. И тут его улыбка потухла.

Из дома доносились крики, и сквозь окна я увидела его родителей, оравших друг на друга.

Грейсон почувствовал себя неловко, и его поведение мгновенно изменилось. Обернувшись ко мне, он потер затылок.

– Гм, давай встретимся в другой раз.

– Да, конечно, ничего страшного.

– Поговорим позже?

– Без проблем.

Я уже собралась уходить, но, бросив взгляд через плечо, увидела, как он с тоской смотрит на свой дом. Было совершенно очевидно, что он не желал идти туда, откуда доносились крики.

– Слушай, я пока еще не хочу домой, – сказала я. – Может, сходим на Лори-Лейк и погуляем еще немного? – Он должен был отвлечься. Сейчас он нуждался в том, чтобы кто-то помог ему избавиться от грусти.

Возможно, он нуждался во мне не меньше, чем я в нем, чтобы не чувствовать себя беззащитным.

Он взглянул на меня, и я увидела на его лице облегчение.
– Конечно, давай. Пойдем.

* * *

– С твоими родителями часто такое бывает? – спросила я, когда мы сидели на бревне около Лори-Лейк.

– В последнее время все чаще. Я просто не понимаю их. Если они так сильно ненавидят друг друга, почему не разойдутся? Я даже не могу вспомнить время, когда у них все было хорошо.

– Мне так жаль, Грей. Тебе, наверное, очень тяжело.

– Гораздо проще, когда их нет дома, и, к счастью, они редко там появляются. Кроме того, в следующем году я уеду в колледж, и это уже не будет такой проблемой.

– И все же мне жаль.

Я не могла вообразить, каково это – жить в доме, где нет любви. Мои родители купались в любви друг к другу, словно их сердца были океанами. Они поддерживали друг друга в трудные времена. Их любовь делала этот мир лучше. Я не представляла, как они могли утратить горячие чувства друг к другу.

У них была самая великая любовь, о которой я знала, и не допускала мысли, чтобы они могли расстаться. Мне каза-

лось, что их сердца бились в унисон.

Если я что-то и знала со стопроцентной уверенностью, так это то, что Кевина нет без Пейдж.

– Я не хочу так жить, – признался он. – Когда я влюблюсь, все будет по-настоящему. Это будет не любовь по расчету, а вечная и искренняя любовь. А иначе какой в этом смысл?

– Согласна.

– Но я благодарен родителям. Они научили меня распознавать нелюбовь еще до того момента, как я начал испытывать к кому-то чувства.

Он нервно теребил пальцы, а мне казалось, что мое сердце еще сильнее потянулось к нему.

– Прости. Поговорим о чем-нибудь другом, – предложил он. – Например, о нас.

Сердце замерло, а затем бешено заколотилось.

– Да? И о чем именно?

– Знаешь, последнее время я много об этом думал. – Грейсон повернулся ко мне, и наши взгляды встретились. – О том, чтобы поцеловать тебя.

От этих слов мое сердце едва не выпрыгнуло из груди. Мы почти никогда не говорили о таких вещах, да и может ли возникнуть между нами что-то больше, чем дружба. Самое большее, что между нами происходило, – это объятия, но одного этого оказывалось достаточно, чтобы в моей душе вспыхивало пламя.

Раньше я думала, что мое чувство к Грейсону не взаимно,

поэтому не поверила своим ушам, услышав от него эти слова.

– Ты когда-нибудь думала об этом, Элли? – спросил он.

Я медленно выдохнула.

– Да.

Он слегка придвинулся ко мне, и я позволила ему. Он заправил волосы мне за уши, и я позволила ему. Его улыбка растопила меня изнутри, и я позволила это.

– Я много думаю об этом. Иногда после встреч с тобой я ругаю себя за нерешительность. Представляю это. Думаю, что мог бы сделать это, когда мы ходили в кафе-мороженое или же когда ты впервые привела меня сюда. Или на крыльце Молли. – Он поморщился. – Нет, на крыльце Молли не стоит, но все же я думаю об этом.

– Я тоже. Все время. – Я умолкла. – Ну, не все время, но... часто.

Он взял мою ладонь и слегка пожал ее.

– Знаешь, я очень хочу, чтобы это было безупречно. Особенно теперь, когда я узнал, что это будет твой первый поцелуй. Это очень важно. В книгах, которые ты мне давала, все всегда происходит естественно, – мягко произнес он. – Читая, как это делают герои, я делаю записи. Где это происходит, как чувствуют себя при этом оба персонажа.

Я почувствовала, как его руки слегка дрожат, или же это дрожали мои руки? Становилось все сложнее понять, где кончаются его чувства и начинаются мои.

Но это было замечательно.

Мне нравилось это замешательство.

– Понимаю, – согласилась я. – Необходимо подобрать правильный момент...

– Когда настало...

– Время, – закончила я за него, читая мысли Грейсона с той же легкостью, что и он мои.

– Элли?

– Да, Грей?

– Если я спрошу, можно ли поцеловать тебя, это будет банально?

– Да. – Я придвинулась ближе, и теперь наши губы почти соприкасались, наше дыхание сливалось, и я уже знала, что это будет самый лучший первый поцелуй на свете. – Но все равно сделай это.

И он сделал.

Элеанор

– Он такой смешной! – восклицала я, когда мы с мамой отправились за покупками в супермаркет. Я брела впереди, а она катила тележку с продуктами следом за мной. – Он пытался выиграть для меня эту игрушку и в результате заработал фингал под глазом. Но даже с синяком он был невероятно горд собой.

– Но это же так мило, дорогая.

– Это мило в дурацком смысле слова. – Я на цыпочках подошла к прилавку со свежими фруктами, думая о Грейсоне. И я то и дело принималась напевать себе под нос. – На следующей неделе мы собирались попробовать мексиканскую кухню, и я с нетерпением жду этого дня. – Я принялась ощупывать апельсины.

Интересно, любит ли Грейсон апельсины?

Надо спросить у него. Я хотела все знать о Грейсоне Исте. Хорошее, плохое, а также то, какие фрукты ему нравятся.

– О, и я забыла рассказать тебе...

Бум!

Я резко обернулась, услышав громкий удар, который вывел меня из мечтательного состояния.

– Мама! – завопила я, бросаясь к ней. Она лежала на полу, ее глаза закатились. Я трясла ее, но она не реагировала. –

Мама, мама! Кто-нибудь, помогите! – закричала я.

Она была в глубоком обмороке, и мое сердце разрывалось на части.

Кто-то вызвал «Скорую», и я рыдала, как никогда еще в своей жизни, сидя рядом с ней и пытаюсь привести ее в чувство.

Наконец, она очнулась, но была словно в полусне, не понимая, что происходит. Она пыталась заговорить, но была слишком слаба. А я просто смотрела на нее полными ужаса глазами. Мои слезы капали на ее выступающие скулы, обтянутые тонкой кожей. Я не могла остановиться. Я дрожала и плакала. И не могла справиться с охватившей меня беспомощностью.

Нас отвезли в больницу, куда тут же приехал папа.

Он усадил меня в приемной, а сам отправился выяснять, что происходит.

Я сидела там, ждала и рыдала.

Ждала и рыдала.

Маму отпустили через пару часов, и всю дорогу домой она молчала.

В тот день на меня обрушилась жестокая реальность. Впервые с того момента, как я узнала, что у нее рак, я по-настоящему испугалась. Какое-то время я наивно полагала, что ей становится лучше, пока не пробудилась от иллюзий в овощном отделе супермаркета.

На следующее утро мама заглянула ко мне в комнату и слегка улыбнулась. На ней была тенниска с Джанет Джексон с закатанными рукавами, а волосы были стянуты банданой. Она выглядела так, словно ничего не произошло. Глядя на нее, сложно было сказать, что накануне ей было плохо. Она совсем не была похожа на женщину, которая вчера упала в обморок. И это совершенно не укладывалось у меня в голове: как она могла выглядеть нормально, когда все было наоборот.

– Привет, красавица, – сказала она.

– Привет, мам.

– Да... вчера пришлось нелегко.

– Тебе лучше оставаться в постели, – сказала я. – Тебе нужен отдых.

Я села в кровати.

– Прости, я просто...

Она покачала головой.

– Ничего страшного. Я просто хотела убедиться, что ты в порядке. Прости, если напугала тебя.

– Тебе не надо беспокоиться обо мне.

– Я же мама, милая. Поэтому я всегда беспокоюсь о своем ребенке.

Я понурила голову.

– Мне страшно, мам.

– Знаю. – Она вошла в комнату и присела на кровать рядом со мной. А затем обняла меня одной рукой, а я положила голову ей на плечо.

– Мне просто надо, чтобы с тобой все было в порядке, хорошо? Ты можешь сделать это для меня? – Она провела рукой по моим волосам, но ничего не ответила.

Мама никогда не давала обещаний, которые не смогла бы сдержать.

– Твой отец вышел прогуляться. Хочешь съездить на Лори-Лейк?

– Ты хорошо себя чувствуешь, сможешь ехать? – осторожно спросила я.

– Обещаю, Элли, все будет хорошо.

– Ладно.

Мы поехали на озеро и отправились в наше укромное местечко. Утро выдалось жарким. Градусов тридцать пять, не меньше, но казалось, что еще жарче.

Мы сидели, тая под палящими лучами солнца, попивая воду из бутылок, которые захватили с собой. Некоторое время мы молчали. Я не знала, почему мы молчим, возможно, нам просто нечего было сказать, или же мы просто не знали, как начать разговор.

Мама запрокинула голову к небу и, закрыв глаза, поставила лицо солнцу.

– Когда у меня впервые обнаружили рак, мне было трид-

цать три. Тебе было два года.

Я изумленно уставилась на нее.

– Так у тебя давно обнаружили рак?

– Да. Ты была совсем малышкой, и я помню, как рыдала, сжимая тебя в объятиях, потому что мысль о том, что придется покинуть этот мир, казалась мне невыносимой. Ты была такой радостью для нас с отцом, и мне пришлось через многое пройти, чтобы ты появилась у нас. Ты росла, становилась самой собой. Я наблюдала, как ты превращаешься в красивую девочку с неповторимым характером. Я думала обо всем, что мне не доведется увидеть, о многих первых событиях в твоей жизни. О твоём первом школьном дне, первом танце... первом мальчике и первом поцелуе. О первой несчастной любви. Я помню свою ярость на этот мир, на свое собственное тело за то, что у меня отнимали тебя. Это казалось мне несправедливым. Я чувствовала себя так, словно предала саму себя. И однажды, когда тревога окончательно затопила мою душу, а сердце разрывалось от боли, знаешь, что сказал мне твой отец?

– Что?

– «Ты все еще здесь, Пейдж. Ты все еще здесь». И это все изменило. И мне важно, чтобы ты помнила об этом, хорошо? – Она взяла мою ладонь и ласково погладила ее. – Я все еще здесь, Элли.

– Но я не могу не думать о том, что вдруг тебя не станет. Я думала, что вчера... – Я зажмурилась, втянув воздух. – Мне

показалось, ты умерла...

– Я знаю, но даже если настанет день, когда ты не сможешь видеть меня, я все равно буду рядом. Всегда.

Я перевела дух.

Это было сложно осознать.

– Мне очень страшно, мам.

– В страхе нет ничего плохого, если только он не лишает тебя сил. – Она уставилась на свои ладони. – Ты знаешь, в чем особенность стрекоз? – спросила она. – Что они символизируют?

– Нет, ты никогда не рассказывала.

– Почти во всех уголках мира стрекозы символизируют перерождение. Почти всю жизнь они живут как нимфы. Ты знаешь, что это означает?

– Как феи?

Она улыбнулась.

– Что ж, это одно из значений этого слова, но в данном случае нимфа – это насекомое в стадии куколки. И в этом состоянии стрекоза пребывает, пока не обретет крылья. Стрекозы летают совсем недолгий период жизни.

– Я не знала.

– Невероятно, правда? Глядя на стрекоз, думаешь, что они летают всю жизнь, но не представляешь, сколько дней им приходится провести без этих полетов. Но стрекоза никогда не унывает, что у нее нет крыльев. И не думает о том дне, когда они появятся. Она просто живет мгновением. Именно

это они для меня и олицетворяют: жизнь одним мгновением. Они живут сегодня, не думая о будущем.

Я поняла, куда она клонит.

– Но я не стрекоза, мам. Я не могу перестать думать о будущем.

– Знаю. Я тоже думала, но мне хочется находить в жизни и чудесные моменты. И я не хочу, чтобы оставшиеся дни жизни были наполнены грустью, Элли. Я хочу радоваться. Мне хочется думать, что каждый день ты найдешь причину для улыбки, если очень постараться. Сможешь сделать это ради меня? Ради нас? Сможешь каждый день находить причину для радости?

– Да, – пообещала я, хотя не знала, правда это или нет. Но для мамы я должна была постараться. Теребя пальцы, я наблюдала за жужжащими вокруг нас стрекозами. – И ты не пропустила кое-что, что случилось со мной впервые, – сказала я. – Грейсон поцеловал меня два дня назад.

Глаза мамы вспыхнули, и впервые за последние сутки она улыбнулась по-настоящему счастливой улыбкой.

– О боже. – Она накрыла мои ладони своими. – Расскажи, как это было.

Я принялась рассказывать, а она радостно заулыбалась, и я вдруг поняла, что тоже расплываюсь в улыбке. Не потому, что Грейсон поцеловал меня, а потому, что мама поделила со мной эту радость. Мне было так приятно видеть ее сияющее лицо. И мои губы сами собой расползались в улыбке.

Она стала моей причиной для радости.

10

Элеанор

После того как мама упала в обморок, все стало гораздо сложнее.

Она потребовала, чтобы я перестала ходить с ней на сеансы химиотерапии, хотя я изо всех сил пыталась переубедить ее.

Поначалу все шло ничего. И мы каждый день находили причины для улыбок.

Но с каждым днем дела шли все хуже.

Мама перестала рисовать в гараже.

Ее волосы поредели.

Ей было сложно передвигаться.

Как-то ночью, после очередного сеанса химиотерапии, маме стало очень плохо. Я проснулась посреди ночи и уже не могла уснуть. Пока папа помогал ей в ванной внизу, я сидела на лестнице, прислушиваясь. Она плакала и говорила, что устала.

И я не знала, физически или морально.

Возможно, и то, и другое.

Ухватившись за перила, я смотрела, как папа отвел маму в спальню. Выйдя из комнаты, он остановился посреди гостиной, уставившись в темный экран телевизора. А затем, зажав рот ладонями, беззвучно разрыдался. Закрывая лицо, он изо

всех сил пытался скрыть свою боль, чтобы не потревожить маму или меня.

Папа всегда был образцом стойкости. Он заботился о маме, а потом узнавал, все ли в порядке у меня. И если я спрашивала, как его дела, он неизменно отвечал: «Отлично», хотя я и догадывалась, что это не так. У папы душа разрывалась на части. Он не хотел в этом признаваться, но я поняла это еще до того, как увидела его плачущим.

На следующий день мы едва смогли найти причину для улыбки. А еще через день это стало еще труднее. С каждым разом причин для радости становилось все меньше и меньше. Мы понимали это, но пытались скрыть друг от друга, насколько сломлены. Причин для улыбок почти не осталось, но мы были чересчур упрямы и слишком устали, чтобы признать это.

– Привет, Элли, – сказал Грейсон, поднявшись по ступенькам нашего крыльца одним субботним днем. Радостно улыбаясь, он сжимал в руках холст. Его появление слегка озадачило меня. По правде говоря, с тех пор, как маме стало хуже, я не горела желанием ни с кем общаться. Я понятия не имела, почему он по-прежнему хотел со мной дружить или что-то в этом роде. После нашего первого поцелуя нам так и не удалось поговорить о том, что происходит между нами.

Он не поднимал эту тему, да и я тоже.

Когда мы встречались, я казалась спокойной, но внутри у

меня все горело огнем.

Ему совершенно не нужна была печальная подруга, но Грейсон продолжал появляться.

Стоит отдельно сказать о людях, которые не бросают тех, кто раздавлен депрессией. Они никогда не получают достаточно благодарности и восхищения за то, что оказываются достаточно храбры, чтобы остаться с вами.

– Привет. Ты что здесь делаешь? – спросила я его.

– Просто зашел познакомиться с твоей мамой. И узнать, может, она могла бы поделиться со мной своим умением рисовать.

– Это очень мило, но она сегодня не слишком хорошо себя чувствует.

– О. Ну, может быть...

– Я чувствую себя вполне неплохо, – вмешалась в разговор мама.

Обернувшись, я увидела, что она стоит в холле. У нее был очень изможденный вид, который мне совсем не нравился.

– Ты уверена? – спросила я. У нее были мешки под глазами, волосы скрывала повязка, и она совсем не была похожа на себя прежнюю.

– Конечно. Проходи, Грейсон.

Он прошел мимо меня и последовал за мамой в гостиную. Разложив холст и краски на столе, он устроился рядом с мамой на диване.

– Мне очень жаль, что мы еще официально с вами не по-

знакомились, миссис Гейбл. Я – Грейсон. Мне просто захотелось зайти и узнать, не могли ли бы вы научить меня рисовать. Я не рисовал, но Элли рассказала мне, что вы самая талантливая художница, поэтому мне захотелось, чтобы вы дали мне какие-нибудь советы по технике рисунка.

И вот, впервые за несколько дней, мама улыбнулась.

И даже больше.

На какое-то мгновение Грейсон отвлек ее от мыслей о безлезни, заставив вернуться в мир, который она обожала. Она говорила об изгибах и линиях, пастели и мелках, о рисунках на бумаге и на холсте.

Она попросила его что-нибудь нарисовать, а затем принялась обсуждать его работу, однако ее критика, как всегда, была мягкой. И она всегда давала советы. Мамины глаза сияли, когда она рассуждала об искусстве.

А затем они отправились в мамину студию в гараже и долго не выходили оттуда. Я не стала им мешать, потому что плохо разбиралась в том, о чем они говорили.

А маме это было необходимо, она нуждалась в искре вдохновения.

Спустя какое-то время оба вернулись в дом, перепачканные в краске. На маме был фартук, а за ухом у нее торчала кисточка. И теперь она немного напоминала мне прежнюю себя.

– Спасибо, Грей, – сказала я, когда он собрался уходить.

– За что?

– За то, что ты – это ты.

Я не знала, почему он появился в моей судьбе несколько недель назад. Почему решил остаться со мной. Я не заслуживала такого друга. Если честно, мне казалось, что никто не заслуживал Грейсона Иста, но я была благодарна, что он ворвался в мою жизнь.

После того как он ушел, мама подошла ко мне и обняла за плечо.

– Знаешь, что мне нравится в этом парне? – спросила она.

– Что?

– Все.

11

Элеанор

К шестому сеансу маминой химиотерапии начался учебный год. Никогда бы раньше не подумала, что скажу нечто подобное, но возвращение в школу показалось мне чем-то нормальным и естественным, чего так не хватало в моей жизни. Школа отвлекала меня от тревоги, от которой я безумно устала.

Шай и Грейсон тоже изо всех сил старались отвлечь меня. Они приходили ко мне домой, читали книги и сидели со мной за ланчем. Они говорили о чем угодно, лишь бы развеселить меня. Оказалось, что Грейсон настоящий мастер дурацких и нелепых шуток, и тем не менее они все равно казались мне смешными.

Даже в те дни, когда я была особенно несчастна, мне удалось выдавить в ответ хоть легкую усмешку.

Если Шай не могла прийти, вместо нее всегда появлялся Грейсон.

И мне это было действительно необходимо. Я нуждалась в них, чтобы не чувствовать себя столь одинокой.

Как-то в субботу я уселась за компьютером, читая информацию о маминой болячке. Родители запретили читать о раке в интернете, но я ничего не могла с собой поделаться. Это походило на странное наваждение, которое я не могла пре-

одолевать. И хотя после этого мне становилось очень грустно, я все равно продолжала свои поиски.

Когда в дверь позвонили, я выпрямилась, услышав, что мама зовет меня. Поспешив в гостиную, я слегка замешкалась в дверях, увидев Грейсона в костюме и галстук с букетом в руках.

– Привет, Элли, – произнес он со своей усмешкой.

Я вскинула бровь.

– Привет?.. – Я опустила бровь – Что это такое?

– О, просто я был неподалеку и зашел узнать, не хочешь ли ты пойти со мной на бал выпускников.

– А, сегодня же бал выпускников, – смущенно откликнулась я.

– Да. Я купил билеты еще пару недель назад, но не хотел говорить тебе, потому что не сомневался, что ты придумаешь предлог, чтобы отказаться. Ну а теперь слишком поздно отступать и, поскольку я уже в костюме, тебе придется пойти.

Мама слегка усмехнулась, а я неловко переминалась с ноги на ногу на ковре.

– Я не могу.

– Почему?

– Ну, не знаю, просто не могу. Я сейчас ищу кое-какую информацию в интернете.

– О чем? – поинтересовалась мама, выгнув бровь.

– Ни о чем, – резко откликнулась я, догадываясь, что она уйдет, если узнает правду. – Кроме того, у меня даже

платья нет.

– Ты можешь одолжить у меня, – с улыбкой ответила мама. – И я даже помогу тебе нарядиться.

– Но вдруг тебе что-нибудь понадобится? Вдруг вам с папой потребуется моя помощь?

Этого я боялась больше всего на свете: что-то произойдет в мое отсутствие.

– Я в порядке, Элли. Я все еще здесь, – ответила она, подходя ко мне. – А теперь, думаю, ты должна ответить согласием этому милому юноше. Ты пойдешь с ним на бал выпускников?

Я закусила губу, все внутри сжималось от приятного волнения вперемешку с тревогой и страхом. Я посмотрела на маму, а затем перевела взгляд на Грейсона. А затем снова на маму.

– Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

– Уверена.

– И ты обязательно позвонишь, если будешь в чем-нибудь нуждаться?

– Всенепременно.

Вздыхнув, я ощутила, как тревога понемногу отступает, и более явственно почувствовала порхание бабочек в животе. И, обернувшись к Грейсону, улыбнулась.

– Я быстро.

– Не торопись. – Он уселся на диван. – Я тебя подожду.

Мама отвела меня в свою спальню и принялась рыться в

шкафу в поисках подходящего наряда для меня.

Я еще никогда не была на танцах.

И, если честно, я вообще не знала, как танцевать.

Я знала лишь, что чувствую себя ужасно неуютно на мероприятиях, где полно людей. Попросите меня на уроке прочитать что-нибудь вслух, и я все испорчу. Попросите меня выйти в общество, и я с ума сойду от страха.

Но теперь со мной был Грейсон.

Как я могла отказать этим глазам и улыбке?

– Как насчет этого? – спросила мама, вытаскивая из шкафа платье с низким вырезом на спине. – Ты можешь надеть его даже со своими кедами, потому что ты – это ты, и это потрясающе.

– Оно прекрасно, – сказала я. – Идеально подойдет.

– Ну вот и отлично. Ступай переодеваться. Тебя ждет чудесный парень.

Я поспешила в свою комнату и надела платье. Оно село идеально, но мама перестраховалась и затянула его потуже там, где оно должно было плотно облегать фигуру, и слегка укоротила подол, чтобы я не путалась в нем весь вечер напролет. Затем она помогла мне сделать прическу и нанесла легкий макияж. И даже побрызгала своими любимыми духами.

– Ты выглядишь, словно богиня, – со слезами воскликнула мама. – Словно прекрасная богиня, Элли.

– Спасибо, мам.

Она крепко обняла меня, а затем повела в гостиную, где ждали папа и Грейсон. Едва мы вошли, как они мгновенно вскочили, изумленно глядя на меня.

– Ух ты! – в унисон воскликнули они.

– Элли, ты выглядишь... – начал папа.

– Сногсшибательно, – закончил Грейсон.

Смущенно отводя глаза, я почувствовала, как пылают мои щеки. А затем Грейсон подошел ко мне со своим букетиком и протянул мне руку.

– Подождите! Надо увековечить это для истории! – воскликнула мама, замахав руками. Радостно было смотреть, как она взбудоражена всем происходящим. В последнее время каждая ее улыбка была для нас на вес золота.

Она принесла фотоаппарат и принялась щелкать нас с Грейсоном.

– Следи за рукой, Грейсон, – предупредил папа.

– Да, сэр, – ответил Грейсон, подняв ладони выше, едва касаясь моей спины. Думаю, он слегка волновался в присутствии папы, и это было забавно, потому что папа был добрым, словно огромный плюшевый медведь.

– Если хотите, мы можем отвезти вас на бал, а позже забрать, – предложил папа.

Мы согласились.

Пока мы ехали, мама то и дело оборачивалась, с улыбкой поглядывая на нас.

– Вы оба выглядите потрясающе, – постоянно повторяла

она, восторженно качая головой. – Просто потрясающе.

– Спасибо, миссис Гейбл, – отвечал Грейсон, и я видела, как на его щеках выступал смущенный румянец. Что ж, по крайней мере, я была не одна.

Мы подъехали к школе, и они нас высадили.

– Ладно, хорошенько повеселитесь там! – напутствовала мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.